

ШКОЛЬНЫЙ ВЕСТНИК

6+

6/2024

ШКОЛЬНЫЙ ВЕСТНИК

6/2023

Учредители
журнала:

АО «Молодая
гвардия»
и коллектив
редакции

Главный
редактор

Ю.И. Кочетков

Редакционная
коллегия:

С.В. Винокурова

В.З. Денискина

И.Н. Зарубина

О.В. Клековкина

Ю.И. Котов

Т.М. Морева

И.И. Семёнова

А.П. Торопцев

СОДЕРЖАНИЕ

Светлана Сорока. Рассказы	1
Борис Житков. Рассказы	24
Михаил Пришвин. Рассказы	72
Маша Лукашкина. Стихи	94

ДЖИМ

Недавно в третьем классе, где учился Никита, появилась новая игра «Заведи зверька». Игрушка сразу же стала популярной у ребят. Многие скачали её себе на телефон. Только у Никиты пока не было.

— А у меня теперь хомяк есть! — заявила как-то раз староста Юлька.

«Ничего себе! Даже у неё!» — удивлённо уставился на старосту Никита и после уроков наконец загрузил себе игрушку.

Ему достался какой-то странный зверёк, немного напоминающий собаку. Зверя нужно было кормить и выгуливать (об этом телефон сообщал короткими попискиваниями), со зверем нужно было играть. Никита увлёкся. Быстро прошёл первый уровень, второй, третий и не заметил, как школьный коридор опустел. Одноклассники разошлись по домам. Не выпуская из рук мобильного, Никита спустился в раздевалку, оделся и вышел из школы.

На улице стояла золотая осень. Жёлтые листья были повсюду: на земле, на деревьях, словно бабочки кружили в воздухе. Одна из них, помедлив немного, опустилась Никите на плечо... «Пиу! Пиу!» — пищал в его руках телефон. С каждым новым уровнем игрушка становилась всё интересней. Никита, не переставая, жал на кнопки. Привычная дорога домой сегодня оказалась необыкновенно короткой.

А дома обед и уроки.

— Мама, — заявил Никита с порога, — я в школе поел! А уроков совсем немного задали. Я пойду, отдохну.

Мама грустно посмотрела на сына, на телефон в его руке, но ничего не сказала.

В своей комнате Никита с разбегу плюхнулся на кровать. Ура! Наконец-то можно продолжить! Впереди десятый уровень! Зверь подрос, и теперь у него суперспособности! Их ждёт лабиринт. Опасный! Ого, стена рушится!.. Монстр! Ещё один!.. Тратата! Тратата! Пиу! Пиу! Пиу!..

— Ну а с Джимом-то ты погуляешь? — к реальности Никиту вернула мама. Он даже не заметил, как она вошла в комнату, а вместе с ней, радостно виляя хвостом, вбежал его любимец, рыжий кокер-спаниель. Никита каждый вечер ходил с ним на прогулку, а сегодня вечер наступил очень быстро. Пёс легонько ткнул его в руку кончиком влажного носа: «Пойдём, друг!»

— Облом! — недовольно пробурчал Никита. — На самом интересном месте! Лабиринт пройден! Впереди каньон!.. Каньон! Только им-то этого не объяснишь.

Сердито сопя, он поднялся с кровати. В коридоре нацепил на Джима ошейник, надел куртку и, положив в карман мобильник, вышел из дома. На улице уже начало темнеть. В сумерках Джим выглядел тёплым, солнечным. Он радостно лаял, гоняясь за шуршащими листьями, озорно поглядывал на Никиту, приглашая поиграть. Никита не обращал на него внимания. Тогда Джим принёс ему палку, толстую, крепкую. Никита не взял. Они со зверем проходили каньон.

— Отстань, Джим! Отойди! Не мешай!

«Тратата! Тратата! Пиу! Пиу! Пиу! Тратата! Тратата!..»

Очнулся Никита от того, что замёрз. Во дворе было темно и тихо. Он с тревогой огляделся по сторонам, и холод пробрался в самое сердце — Джима нигде не было.

— Джим! — что есть силы испуганно закричал Никита. — Джи-ми!

Но ему никто не ответил.

«Может, ждёт у подъезда?» — с надеждой подумал он и рванул к дому. У подъезда Джима не было. Никита вернулся обратно, снова позвал, спросил о нём какого-то прохожего, сбегал в соседний двор, снова вернулся... Сердце стучало как сумасшедшее, то взлетало, то снова падало вниз.

— Джи-ми-и! — беспомощно кричал он в темноту. — Джи-ми-и!

Никто не отозвался.

Чуть не плача, Никита вошёл в квартиру: «Сейчас ещё от мамы влетит...»

— Как же так получилось, сынок? — огорчённо спросила она у него.

Лучше б влетело. Не в силах больше сдерживать слёзы, Никита забежал в свою комнату и швырнул в угол ставший ненавистным мобильник.

Больше играть не хотелось. И есть тоже. Никита лежал на кровати в пустой тёмной комнате и безучастно смотрел в потолок. Раньше всё было по-другому. Рядом, свернувшись калачиком, лежал Джим. Его друг. Самый лучший. Джим будил Никиту в школу, радовался, когда он возвращался. А сейчас... Где он сейчас?! Папа ходил искать — не нашёл. А что, если?.. Джим же такой дружелюбный, такой доверчивый. Никите вдруг нестерпимо захотелось обнять друга, защитить от всех. Он бы сейчас всё на свете отдал, чтобы погладить его по тёплой волнистой шерсти, прижать к себе и больше никогда не отпускать.

Одинокий вечер сменился ночью. Никита спал плохо, тревожно. Ему казалось, что Джим вернулся. Он вскакивал с кровати, бежал в коридор. Но в квартире было тихо, хотя папа с мамой в соседней комнате тоже не спали.

Утром Никиту разбудил радостный лай. Никита подпрыгнул на кровати, отбросил одеяло... Джим его опередил. С ликующим визгом ворвавшись в комнату, он принялся лизать другу руки, шею, лицо.

Это было замечательное утро. Джим снова был дома, а в школьном расписании первой стояла физкультура. Может, учитель разрешит немного поиграть и покидаться листьями. Перед уроком Никита поделился своей затеей с ребятами.

— Кстати об играх! — сказала вдруг староста Юлька. — Я себе вчера ещё и кота скачала. У меня теперь кот есть!

«А у меня есть Джим!» — улыбаясь, подумал Никита. От этой мысли на сердце было тепло и радостно.

РУЧЕЁК

Сквозь открытые окна в класс настойчиво врвался звук капли.

Шустрые, непоседливые капли бесстрашно срывались вниз, желая поскорее соединиться с ручейком, бегущим к школьному двору. В этом ручейке Димка с удовольствием пускал кораблики-крышечки.

Сейчас на уроке у них был другой «ручeёк». Так учительница Нина Ильинична называла математическую разминку. Она давала каждому несложные примеры на сложение-вычитание. И спрашивала по цепочке. Чем

живее и увереннее отвечали ребята, тем быстрее тѣк «ручѣёк».

— Пять плюс три! — первый пример достался Ольке Стрижовой.

Олька была отличницей и всегда задавала темп.

— Восемь! — крикнула она бойко.

Игорь Вершинин, её сосед, ответил так же уверенно.

И сам Димка тоже не растерялся.

Близняшки Ира и Кира протянули правильные ответы похожими тоненькими голосами.

«Ручѣёк» весело бежал вперѣд, набирая скорость. И вдруг, словно бы споткнулся о камень, резко остановился у последней парты.

— Семь плюс два! — спросила учительница у сидящего за ней Пети Ромашкина.

Вопрос Нины Ильиничны застал его врасплох, словно на математике она вдруг спросила у него про что-то совершенно постороннее. Например, про круговорот воды в природе. Петя растерянно захлопал большими голубыми глазами.

— Не тупи, Ромашкин! — зашипели на него ребята. — Быстрей соображай!

— Ну что же ты, Петя! — укорила его учительница и перешла к соседнему ряду.

Ольке было досадно, что она так хорошо начала, а Ромашкин...

— Тугодум! — покосившись на Нину Ильиничну, выдала она ему злым шѣпотом.

— Тормоз! — поддержал соседку Вершинин.

Димка недоумѣнно посмотрел на него и подумал: «Все люди как люди, а этот странный...»

— Простите, я не расслышал! — запоздало промямлил в своё оправдание странный Ромашкин.

— Потому что отвлекаешься! — покачала головой Нина Ильинична. — По сторонам смотришь!

— Я больше не буду, — покорно пообещал Петя.

Но на физкультуре вновь уставился в окно. Окна в спорзале были большие. В них виднелись голубое небо и яркое мартовское солнце. Оно отражалось в длинных, свисающих с крыши сосульках. И они переливались, таяли, собираясь в шумные звенящие ручейки.

А ребята между тем, разделившись на две команды, играли в баскетбол. Димка в процессе игры тоже отвлекся на сосульки, но мяч поймал. И живо отдал пас Ромашкину. Петя явно не ожидал такого поворота событий. Мяч отскочил от его живота и был ловко перехвачен игроком другой команды. Счастливчик легко обошёл соперников и отправил мяч в корзину.

Зал наполнился оживлёнными голосами ребят. Одни ликовали, другие возмущались.

— Раззява!

— Ворона!

— Дырка! — кричали они Ромашкину.

— Что же ты, Петя, — покачал головой учитель Фёдор Львович, — ведь простейшая передача была.

— Простите, я не заметил, — вяло пробормотал Ромашкин.

— Ты зачем ему мяч отдал? — навис вдруг над Димкой Вершинин.

Димка нахмурился, промолчал. Вершинину попробуй возрази. Он спортсмен. Стрижова — отличница. Кира с Ирой в хоре поют. Один Ромашкин какой-то никакой. Бесполезный, что ли... Одним словом, странный!

Учителя это тоже замечали. Меньше спрашивали. Ребята не подходили. Петя сидел на последней парте. Что-то чирикал карандашом на листочке и смотрел в окно.

А за окном между тем растаяли сосульки, высохли ручейки и на кустах сирени, окружающих школу, зазеленели молодые листочки.

В один из таких тёплых весенних дней Нина Ильинична вдруг сказала классу:

— Ребята, сегодня последний урок рисования у вас будет вести Анна Петровна. Раньше она училась в нашей школе. А сейчас проходит практику в пединституте. Я очень надеюсь, что мне не придётся краснеть за ваше поведение.

Ребята оживились. Стали гадать, какая она, эта Анна Петровна. Светленькая или тёмненькая, высокая или маленькая, злая или добрая. Один Ромашкин по привычке смотрел в окно.

На пятом уроке в класс вошла высокая тоненькая девушка в клетчатой юбке до колен, с хвостиком, больше похожая на старшеклассницу.

— Здравствуйте, я Анна Петровна, — представилась она и, глянув в окно, сказала: — Урок рисования предлагаю провести на улице.

Её предложение было с радостью поддержано, и ребята весёлой гурьбой высыпали на школьный двор.

Анна Петровна оказалась хоть и хрупкой, но решительной. Быстро построила ребят в ряд и, добившись тишины, начала:

— Сегодня мы с вами проведём конкурс рисунков на асфальте. Тема его «Весна». Работать будете по двое, в паре. Так сказать, коллективное творчество. В конце урока объявим победителей.

Ребята оживлённо зашумели, выбирая пару. Игорь Вершинин встал с Олькой Стрижовой. Кира — с Ирой. Димка покрутил головой и вдруг вспомнил, что его соседа по парте сегодня не было.

— А у меня нет пары, — растерянно сказал он Анне Петровне.

— Как это нет?! — тут же возразила она ему. — А вот этот мальчик! — И указала на Ромашкина, который в это время рассматривал листья сирени.

Игорь Вершинин язвительно захохотал.

— За смех на уроке — поражение! — осекла его Анна Петровна. А отличница Олька дёрнула за рукав — поражение в её планы не входило.

Димка недоумённо уставился на учительницу.

Поставить его с Ромашкиным! С этим странным?! Шутит?! Издевается?!

Нина Ильинична никогда бы так не сделала!

Но Анна Петровна и не думала шутить.

— Чего стоишь? — строго спросила она у Димки. — Бери товарища, и идите вон к тому кусту сирени. Рисовать будете там. — И учительница протянула ему коробку с мелками.

Недовольно сопя, Димка пошёл в указанное место. Ромашкин покорно поплёлся следом.

Под кустом сирени Димку ждал новый удар.

Асфальт здесь прямо по центру разрезала длинная извилистая трещина.

— Дурацкое место! — закипел Димка. — У всех ровный асфальт, а у нас уродливая трещина! И чего здесь можно нарисовать?! Ни-че-го!

— Нарисуем, — подал вдруг голос Ромашкин, внимательно рассматривая замысловатую извилину.

— Вот сам и рисуй! — зло буркнул Димка в ответ.

Петя покорно взял из коробки мел. Синий. И принялся ловко закрашивать причудливые изгибы, заполняя их мелом, как водой. Движение руки. Ещё одно...

— Ручеёк! — вдруг догадался Димка. — Точно, ручеёк! — И улыбнулся.

Ромашкин улыбнулся в ответ и продолжил старательно рисовать. Ручеёк весело побежал вперёд, набирая скорость. Ещё недавно так текли настоящие в их школьном дворе. Димка вдруг захотел, чтобы вверху рисунка была школа. Петя словно угадал его желание, достал оранжевый мел. И принялся рисовать трёхэтажное здание. Получалось похоже!

— А можно я сирень у школы нарисую? — неожиданно спросил Димка.

Ромашкин кивнул. Он уже закончил со школой и принялся за пушистые белоснежные облака. Вскоре рядом с ними появилось ярко-жёлтое Димкино солнце.

— А давай в ручейке кораблики нарисуем, — предложил вдруг Димка товарищу.

— Давай! — радостно согласился Петя.

И вот по синей воде поплыли кораблики. Не крышечки, а самые настоящие лодочки. С лёгкими белыми парусами.

Красивый получился рисунок. Яркий, весенний!

Анна Петровна это тоже отметила. Она долго его рассматривала, особенно ручеёк с корабликами. И вдруг, улыбнувшись, сказала:

— Мальчики, за умение во всём видеть красоту присуждаю вам первое место! Давайте поаплодируем им, ребята!

И Оля, и Игорь, и Кира с Ирой принялись хлопать в ладоши. Что ещё им оставалось делать?!

Но Димка не обращал на них внимания, а смотрел на перепачканного мелом счастливого Ромашкина. И он впервые не казался ему странным.

ЭКСКАВАТОР

Берёзка под Димкиным окном прикрыла листвой видневшуюся вдаль школу.

«Правильно, — глянув в окно, подумал Димка. — Каникулы же! Можно забыть о школе до самой осени».

В комнату вошла мама.

— Димочка, хотела тебе сказать, что отпуск нам с папой не дали. — Она извиняюще пожала плечами. — Придётся работать. — А тебя... мы записали в школьный лагерь.

Димкино радостное настроение мгновенно улетучилось.

А мама, не теряя оптимизма, убеждала:

— Поверь, в лагере будет весело! Пообщаешься с одноклассниками! У тебя же в классе такие хорошие ребята...

Димка выбежал из дома на улицу и шлёпнулся на лавочку у подъезда. Во дворе у него было много друзей. А в школе он почти ни с кем не сблизился, потому что часто болел. Да и с кем?! Мишка Тепляков — тихоня и трус. Ромик Заиграйкин — спорщик и хвастун. Таскает в школу всякую ерунду и хвастается.

Но хуже всех эта Юнона. Её, старосту и отличницу, учителя всегда называли по имени. А Димке оно казалось длинным.

— Нона, — позвал он как-то раз одноклассницу. Девочка поджала губы и, растягивая слоги, недовольно произнесла:

— Я — Ю-но-на!

— Подумаешь, — сердито протянул Димка. И спихнул с её парты маленького коричневого медвежонка. Юнона не убирала медведя даже на уроках. Он был её другом.

Потрясённая таким варварским поступком, она пожаловалась учительнице. Димке тогда влетело. И с тех пор он считал одноклассницу ябедой и воображалой.

Вечером Димка обнаружил на своём столе экскаватор. Его принёс вернувшийся с работы папа. Экскаватор был потрясающий! Жёлтый железный с огромным ковшом. В работе машине должны были помочь батарейки и пульт управления. Димка вставил их и побежал с экскаватором во двор.

В песочницу как раз недавно насыпали новый песок. Димка присел на деревянный край и потянул на себя рычажок на пульте. Экскаватор оказался настоящим тружеником. Копал самоотверженно и неумолимо. Димка ловко управлялся с кнопками и рычажками. Вскоре вся песочница превратилась в строительную площадку. И собрала вокруг себя любопытных зрителей.

Утром Димка взял машину в школьный лагерь. Мальчик попал в младший отряд. А вместе с ним, как назло, — Мишка, Ромик и Юнона.

Их вожатую звали Алина Александровна. Она была совсем молоденькая. И, казалось, волновалась не меньше своих подопечных.

После линейки Алина Александровна привела ребят в столовую. И погрозила пальцем:

— Хлебом не кидайтесь!..

Юнона посмотрела на вожатую удивлённо, даже немного снисходительно. Мол, как она могла о ней такое подумать?!

Заиграйкин тоже не помышлял о подобном хулиганстве. Он достал из кармана маленький чёрный фонарь и крутил им перед носом Теплякова. Мишка молчал. А Димка краем глаза смотрел на неугомонного Ромика и представлял свой экскаватор. Интересно, что о нём скажет Заиграйкин?

— Подумаешь, — как можно более равнодушно протянул Ромик, — и что может эта твоя игрушка?

— Увидишь, что, — вступился за экскаватор Димка.

После завтрака вожатая привела отряд на спортивную площадку. Димка взял в руки пульт. И он, словно волшебная палочка, притянул к себе ребят. Даже Юнона, делая вид, что ей неинтересно, украдкой поглядывала на него.

Димка тронул рычажки. Тяжёлая машина ожила, зашевелилась... Но на поле росла трава. А земля на обочине была твёрдой. Экскаватор лишь чиркнул по ней зубьями. Ромик хотел выдать что-то язвительное.

Но к ним подошла взволнованная Алина Александровна.

— Ребята, мне нужно получить инвентарь. Играйте здесь. Место чудесное! Я скоро вернусь.

— Дурацкое место! — сердито крикнул Димка. — Надо за школу идти. Там грядки. Экскаватор их живо перекопает.

— Не перекопает, — язвительно хмыкнул Ромик. — Спорим?!

Димка ловко хлопнул по протянутой руке:

— Побежали!

— Я с вами! — крикнул вдруг Мишка. И голос его прозвучал твёрдо, уверенно.

А Юнона, наоборот, волновалась.

— Ребята, куда вы? Вернитесь! — настойчиво призвала она.

Но мальчишки во главе с Димкой уже вприпрыжку бежали на задний двор. Юнона осталась одна. И, сунув в карман сарафана друга-медвежонка, поторопилась за одноклассниками.

На заднем дворе располагался небольшой школьный огород. Все грядки были засажены, а одна пустовала. Ребята направились к ней. Димка бережно поставил машину на землю. Нажал рычаг. Экскаватор привычно затарахтел и принялся за работу. Только на этот раз ковш мягко входил в землю. Заиграйкин, Тепляков и даже Юнона — все с интересом и восхищением следили за его энергичной работой.

— Ладно, — миролюбиво сказал Димке Ромик, пряча в карман фонарик. — Ты выиграл. Классный экскаватор. Дай поуправлять!

Димка дал. И вскоре на грядке появилась траншея Ромика, затем Мишкина, других ребят.

— Как настоящий! — радовался экскаватору Мишка Тепляков. — Только водителя не хватает. — Он посмотрел на медвежонка в Юнониных руках. Она прижала его к себе.

— Точно! — обрадовался Ромик. — Юнон, давай медведя в кабину посадим.

— Дай, пожалуйста, — попросил у одноклассницы Димка. — Мы осторожно.

Юнона подумала немного и протянула ему мишку.

Ездить на экскаваторе междвежонку, конечно же, не приходилось. Он слегка подпрыгивал на неровностях, но бодро и уверенно держался в кабине.

— Кажется, ему нравится, — улыбнулся однокласснице Димка.

Юнона кивнула и улыбнулась в ответ.

— Вот вы где! — ребята услышали взволнованно-радостный голос вожатой.

Она вела с собой директора, Веру Юрьевну. Её вся школа боялась. И сейчас выражение её лица явно ничего хорошего не предвещало.

— Кто придумал уйти со спортплощадки? — грозовой тучей нависла она над ребятами.

В воздухе повисло напряжённое молчание.

— Я жду ответа! — ещё громче и строже проговорила директор.

— Мы вместе! — вдруг подал голос тихий и робкий Мишка.

— Точно, вместе, — закивал головой Ромик.

Вера Юрьевна обратилась к Юноне.

«Сейчас нажалуется», — неожиданно предательски промелькнуло в Димкиной голове.

Но Юнона лишь опустила глаза и негромко повторила:
— Вместе.

В наказание Вера Юрьевна всех отправила в класс. Но Димка не сильно расстроился.

«Ничего-ничего, — глядя на Мишку, Ромика и Юнону, радостно думал он, — с этими ребятами не только в класс, на край света можно».

ЛАВРУША

В классе Лаврушу дразнили. Особенно усердствовал Герка Крюков.

— Лавруша — холодные уши! Из Лавруши мы сделаем суши! — донимал он его.

— Дурацкое у меня имя! — как-то раз вернувшись из школы, пожаловался Лавруша маме.

— Почему? — удивлённо и немного расстроено протянула она. — По-моему, очень даже красивое. Лаврентий! Ты знаешь, что корень Лавр означает «победитель»?

Увы, для одноклассников Лавруша победителем не был. К нему приставали даже девчонки.

— Лавруша — хрюша! — ехидно смотрела на него Геркина подружка Светка Гусева. Рослая и задиристая.

— Сама ты... — огрызнулся Лавруша и уходил.

Он старался быстрее позавтракать в столовой. Заходил в класс, когда там уже была Мария Николаевна. И когда не попадал в поле зрения насмешливых одноклассников, жил более-менее сносно.

Но однажды его существование стало совсем невыносимым.

В то утро ребята Лаврушу не трогали. Всех волновала сенсационная новость.

— Новенький! У нас в классе новенький! Второгодник, двоечник и хулиган!

На лицах мальчишек появилась задумчивость. На лицах девчонок — любопытство и страх.

Наконец прозвенел звонок. И Мария Николаевна с новеньким предстали перед классом.

— Доброе утро, ребята, — чуть взволнованным голосом начала учительница. — Знакомьтесь, это Василий Морозов! Поздоровайся с товарищами, Вася.

— Салют! — развязно бросил рыжий неопрятный мальчишка и отправился в конец класса.

Морозов шлёпнулся на последнюю парту. Прямо позади бедного Лавруши, который сейчас спиной чувствовал его шумное тяжёлое дыхание.

Мария Николаевна начала урок. Ребята склонились над тетрадями. И Лавруша тоже. И вдруг новенький пребольно шлёпнул его по спине.

— Эй, ты, как тебя! — Нагло уставился он на живо обернувшегося Лаврушу. — Дай ручку!

Лавруша дал.

Но учиться Морозов не собирался. А вместо этого упёрся ногами в Лаврушин стул. И резко толкнув его, пригвоздил одноклассника к парте.

— Тесно мне, — с усмешкой объявил он ему. — Двигайся давай!

Лавруша мог бы пожаловаться, но привлечь к себе внимание одноклассников не хотелось. Впрочем, они в этот день его не дразнили. Видя в новеньком лидера и своего конкурента, Герка вёл себя тихо. Они со Светкой стояли в углу, украдкой поглядывая на Морозова и негромко переговариваясь.

Но Лавруше хватило и Васькиных тычков. Из школы он вышел без настроения. Стоял холодный сырой октябрь. Некогда сухая, светлая дорожка покрылась лужами и грязью. Одно радовало — она вела к дому. Лавруша хотел быстрее попасть туда.

— Эй! — вдруг раздался за его спиной знакомый грубоватый голос.

Лавруша обернулся — за ним шёл новенький.

— Это у тебя собачкино имя? — издевательски поинтересовался он. — Лавруша, кажется. — Васька свистнул. — Фьюить-фьюить-фьюить!

Лаврентий отвернулся и ускорил шаг.

Но Морозов догнал его, толкнул в спину, и Лавруша угодил в противную вязкую грязь.

— Дурацкий у меня класс! — с порога заявил он маме.

— Что случилось? — глядя на перепачканные штаны, взволнованно спросила мама.

Лавруша не стал рассказывать. Снял с себя грязные вещи, бросил их в стирку и ушёл в свою комнату.

На следующий день он с тяжёлым сердцем снова шёл по знакомой дороге. Но в школе его ждал сюрприз. Морозова не было. Он то ли заболел, то ли прогуливал. А ещё в их класс пришла новенькая.

— Знакомьтесь, это Таня Большакова, — представила девочку Мария Николаевна.

Новенькая была на голову ниже всех девчонок из класса. Маленькая, худенькая, хрупкая. С длинными светлыми косами и большими голубыми глазами. Лавруша почему-то ужасно засмутился, когда она вдруг подошла к его парте и села рядом с ним. Он не пытался заговорить с ней и даже дышать старался через раз. Таня сама начала разговор.

— Как тебя зовут? — спросила она шёпотом.

— Лаврентий, — смущённо прошептал Лавруша.

— Ничего себе! — улыбнулась она. — Моего двоюродного братика тоже зовут Лаврентий.

— Здорово. — Лавруша робко улыбнулся в ответ.

На перемене они разговорились. Оказалось, у них было много общих интересов. Рисование, аниме. А ещё Таня любила животных. И Лавруша их тоже очень любил. Она рассказывала ему про своего питомца, озорного той-терьера по кличке Фунтик. Как вдруг к ним подбежали Герка со Светкой. Лавруша напрягся.

— Жених и невеста! — съехидничала Гусева.

— А вы кто? — посмотрев на них также насмешливо, осадила её Таня и увела Лаврушу.

Всё-таки она была молодец!

Впервые за долгое время Лаврентий вышел из школы не один. Осенняя грязь не портила настроения — рядом шла Таня. В розовом пальто, в вязаной розовой шапочке с бантом. И с интересом слушала, как Лавруша рассказывал про своего кота Мурзика.

Вдруг на их пути откуда ни возьмись возник Морозов.

— Лавруша завёл себе подружку! — издевательски крикнул он. И словно грозовое облако двинулся на ребят.

Таня испуганно сделала шаг назад. За спину Лавруши. Но Морозов своими длинными ручищами ловко стянул с её головы шапку. И швырнул в грязь. В этот момент внутри у Лавруши всё опустилось. А затем резко бросилось в голову горячей неудержимой волной. Он изо всех сил толкнул обнаглевшего Морозова в сторону. Подальше от неё, от себя...

Васька беспомощно замахал в воздухе руками, еле устоял.

— Псих! — злобно крикнул он Лавруше. — Получишь ещё! — Но подойти снова не осмелился.

Лаврентий поднял с земли шапку и отдал Тане. Всю оставшуюся дорогу ребята шли молча. А возле своего дома Таня сказала:

— Знаешь, почему моего брата называли Лаврентием?

— Почему?

— Лавр означает победитель. — Таня улыбнулась. — И Лавруша мне тоже очень-очень нравится. Лавруша, спасибо за смелую душу!

Она, конечно же, имела в виду сердце. Но слово «сердце» с его именем, к сожалению, не рифмовалось.

СВЕТЛАЯ РАДОСТЬ

С пожелтевшего клёна под окном ветер сорвал ещё один разноцветный листок. Словно последняя бабочка, он немного покружил над неширокой извилистой дорожкой сада и печально опустился на землю. Осень... Как же быстро она наступила.

Витька вздохнул, отошёл от окна, но тут же невольно улыбнулся, вспомнив, сколько интересного пережил он этим летом. Чем только не занимались они с другом Борькой! Но увлекательней всего была рыбалка.

Витьку к рыбалке с раннего детства дедушка приучил. А Борька — рыбак неопытный, но напористый, если уж к нему карась на крючок попал — ни за что не упустит!

У Витьки с Борькой порой такая борьба завязывалась — удочки гнутся, катушки скрипят... Каждому хочется ощутить себя настоящим рыбаком, обловить приятеля, быть первым.

И сегодня снова рыбалка! Витькина душа наполнилась счастьем. Он хлопнул в ладоши, крутанулся на одной ноге и отправился в угол комнаты. Там стояли приготовленные с вечера снасти.

Вдруг дверь в комнату открылась, и на пороге в нерешительности застыл младший брат Виталик.

— Чего тебе? — недовольно уставился на него Витька.

— Мама к тебе послала, — промямлил Виталик. Но тут мама сама вошла в комнату.

— Витенька! Меня на работу вызвали. Виталика оставить не с кем. Выручи, возьми его на рыбалку. Он вам мешать не будет...

— Мешать не будет?! — Витька сердито уставился на брата. — Это он-то? На велике кататься не умеет, с тар-

занки прыгать боится, от ящериц шарахается! То ревёт, то теряется, то под ногами путается... И вечно всё портит!

На смену радости пришла злость. Радость не вернулась, и когда появился Борька. Он на полном ходу въехал во двор, весело позвякивая бадейкой. Загорелый, всё ещё пахнувший летом, улыбающийся, готовый к состязанию.

Раньше бы они вскочили на велики и, подставив разгорячённые лица прохладному ветерку, помчались вниз по широкой просёлочной дороге напрямик к пруду. А сейчас пришлось идти пешком. Разговаривать не хотелось. Витька изредка поглядывал то на брата, плетущегося позади, то на Борьку.

В Борькиных глазах читалось торжество, прикрытое деланным состраданием: «Как Витька выкрутится с таким «помощником»?»

— Сразимся? — хитро улыбнулся он.

...Осеннее солнце спряталось за небольшие серые облака. Полукруглое зеркало пруда было темноватым, но спокойным. Витька принялся суетливо разматывать удочку, покрутил катушку, потрогал крючок и, потянувшись за хлебом, увидел Борьку. Тот приближался к воде, вот-вот готовый забросить удочку.

«Всё равно буду первым!» — упрямо подумал Витька.

— Ой! — вдруг донеслось из-за его спины. Витька обернулся: Виталик держался за рукав курточки. — За... зацепился!

— Слепой что ль? — напустился Витька на брата. — Целый берег свободный, а ты на крючки бросаешься!

Тяжело вздохнув, он попытался вытащить крючок. Но тот вцепился в рукав мёртвой хваткой. Витька принялся дёргать.

А между тем Борька уже преспокойно ждал поклёвки и, поглядывая на товарища, самоуверенно улыбался. Витьку захлестнуло раздражение.

— Раззява! — закричал он на младшего брата. — Я сюда рыбу пришёл ловить, а не с тобой возиться!..

Виталик виновато молчал, а Витька не унимался:

— Что теперь делать?! Рвать?! — Но крючок неожиданно сжалился и выскочил из истерзанного Виталькиного рукава.

— Один-ноль! — торжественно объявил Борька, демонстрируя трепыхающегося на удочке карася.

— Красиивый! — неожиданно подал голос Виталик. — А можно мне?..

— Нет! — оборвал его Витька. — Стой здесь и не мешай! Ничего, — обращаясь теперь к Борьке, прошипел он, — бой ещё не проигран.

Витька забросил удочку, и удача улыбнулась ему. Поплавок дёрнулся, осторожно лёг на бок, Витька подсёк, и вскоре в его руках колотился такой же серебристый карасик.

— Один-один! — ухмыляясь, заявил он Борьке.

Рыбалка набирала обороты. Мальчишки только и успевали таскать карасей. Берег наполнился стрекотанием катушек, тонким свистом удочек, рассекающих воздух, и радостными криками товарищей:

— Ура! Второй!

— Третий! Здоровый!

— И у меня!

Витькины глаза горели. Он насаживал, забрасывал, подсекал и ещё успевал отбиваться от брата: «Отстань!», «Отойди!», «Не мешай!» И ликовал, когда в руках оказывался очередной карась! Сейчас он покажет Борьке, кто здесь истинный рыбак!

Виталик одиноко слонялся по берегу.

— Витя! — взмолился он. — Ну, можно я хотя бы лягушек половлю, вон там, под бережком?

— Нельзя! — отрезал Витька, насаживая наживку на крючок.

Вдруг рядом послышался громкий всплеск. Часть глинистого берега откололась и рухнула в воду, и вместе с ней, не удержавшись, шлёпнулся в воду Виталик. Витька швырнул удочку, бросился к брату и живо вытащил его на берег. Штаны мокрые, лицо бледное, глаза испуганные.

— Ты чего туда полез?! — закричал Витька. — Тебе кто разрешал?!

Борька между тем зацепил ещё одного карася. И ещё вытащит... А Витька всё, отловился! Что ему теперь делать с этим в мокрых штанах, который ему всю рыбалку испортил? Такую рыбалку! Досада рвалась наружу:

— Навязали сокровище на мою голову! Только и следы! Что, теперь домой идти?! Фигушки! Один, пойдёшь, как чучело, в грязных штанах!.. Давай, отправляйся!..

Виталик не двинулся с места. Он стоял с опущенной головой и крепился изо всех сил, но вдруг бледные губы дрогнули, и он заплакал.

— Испортил всё и ревёт! Перестань!

Виталик не успокаивался. Он горько плакал. В несурзной мешковатой курточке, в перепачканных глиной, мокрых штанах, маленький, несчастный и одинокий.

Глядя на брата, Витька невольно вспомнил лето. Как однажды они с Борькой спрятались от него в шалаше. Сидя в укрытии, они шептались и хихикали. Виталик сначала искал их, а потом просто бродил по двору вот такой же потерянный и несчастный...

А ещё как-то раз они обещали взять Виталика на рыбалку, отправили домой за хлебом, а сами вскочили на велики и укатили... Он, наверное, тогда так же плакал от обиды. Витькина ладонь непроизвольно опустилась на худенькое, вздрагивающее плечо.

— Ладно тебе, перестань! — сказал он миролюбиво. Но брат расплакался ещё сильнее.

Витька топтался возле Виталика, растерянно глядя по белокурой растрёпанной голове, плечам, спине. Он и думать забыл про Борьку и их соревнование. Больше всего на свете сейчас ему хотелось, чтобы Виталик успокоился, вытер слёзы и улыбнулся. — А хочешь, я тебе половить дам?! — наконец, нашёлся он.

Виталик на мгновение затих и недоверчиво посмотрел на брата.

— Честное слово! Давай, я заброшу, а ты вытащишь! — предложил Витька и улыбнулся, вспомнив, что вот так же когда-то говорил ему дедушка.

— Вас теперь двое?! — съехидничал Борька, оторвавшись от своих карасей.

Витька не обратил на него внимания. У них с братом клюнуло.

— Сейчас тащить будешь! — радостно крикнул Витька. Виталик вдруг растерялся и запаниковал.

— Не бойся! — подбодрил его брат. — Я помогу!

Подсечка. Две пары рук вцепились в тяжёлую, непокорную удочку, и вот, наконец, на глинистом берегу трепыхается серебристый карась. Их карась!

— Ого! — снова подал голос Борька. — Здоровый! Ну и ладно. Я сегодня всё равно тебя обловил.

Витька не ответил. Он смотрел в раскрасневшееся, счастливое лицо брата, и душа его радовалась.

Море увлекало Бориса Житкова с детства. Он вырос в большом портовом городе Одессе, и с морем была тесно связана его семья: отец служил в Русском обществе пароходства, а дяди служили офицерами на флоте. Он часто плавал по морю на парусных лодках и яхтах и осваивал морское дело ещё мальчиком.

Поступив в университет, Б. Житков одновременно занимается морским делом и сдаёт экзамены на штурмана дальнего плавания, а после университета оканчивает кораблестроительное отделение Петербургского политехнического института и получает инженерное образование, таким образом осваивая практически все морские профессии.

В 1912 году Борис Житков отправляется в кругосветное путешествие через Гибралтар, Суэцкий канал, Красное море, мимо берегов Африки до Мадагаскара. Он побывал в Индии, на Цейлоне, в Шанхае, Японии. Пересёк три океана: Атлантический, Индийский и Тихий. Впоследствии много плавал по Белому морю. Свой опыт и случаи, которым он был свидетелем и участником, он отразил в своих рассказах.

НИКОЛАЙ ИСАИЧ ПУШКИН

Стоят на пристани пассажиры, ждут парохода.

— Вон, вон, кажется, «Пушкин» идёт.

Отвечают портовые люди:

— Правильно, это Стратонов.

Пассажиры:

— «Пушкин» ведь?

— Ну да: Николай Исаич.

Пассажиры переглядываются — вот неучи какие моряки: не знают, что Пушкин — Александр Сергеевич. Николай Исаич Пушкин! Вот дураки-то.

А Николай Исаич стоит на мостике «Пушкина», глядит в бинокль и рявкает из бороды:

— Права... ещё права. Так, так держать!

И знает Николай Исаич, что весь «Пушкин», от верха мачты до днища, — всё это он — Николай Исаич. И что когда посадит он «Пушкина» на мель, никто не скажет: «Пушкин» напоролся, а прямо будут говорить:

— Николай Исаич на мель сел. Стратонову скулу помял... пять футов воды в трюме.

Сам все эти пять футов воды ртом бы выпил, и пусть бы обе скулы, всю бы морду ему разворотили, с радостью дал бы Николай Исаич, лишь бы не было такого греха. И так вот всякий капитан.

Потому и говорят: «Ерохин снялся, Фёдор с моря идёт».

А в «Фёдоре» этом — десять тысяч тонн, и на носу накрашено: «Меркурий».

Я сам это понял только тогда, когда первый раз посадил парусник. Дело было просто. Шёл я в свежую погоду у Тендры, ночью. Помощник мой вахту стоял. Вот по времени должна уж быть Тендра. А это, надо сказать, песчаная коса, её и днём-то за двести сажений можно не увидеть. Я вышел и слышу: не та зыбь, метёт прибой, россыпи слышно.

Я говорю помощнику:

— Сейчас в Тендру вопрёмся, уваливайтесь под ветер.

А он говорит:

— Приведите к ветру, лот брошу. — То есть чтоб я поставил судно против ветра, а он смерит, сколько глу-

бины! А привести к ветру — это выходит с ходу ещё сажень двадцать пролететь к берегу.

— Приведите! — кричит помощник.

— На вашу голову?

— Ладно.

— И побежал он с лотом на бак. Я привёл, и ещё ходу не потеряли, как ткнуло в грунт и дрогнуло всё судно. Подняло зыбью и ударило дном. У меня душа оборвалась. Потом на берегу спрашивали:

— Ты под Тендрой сидел?

— Да, понимаешь, помощник...

Все усмеваются, отворачиваются. Никто настоящего слова не сказал. Отец только мне сказал это слово, да его не напечатают. И верно. А помощнику что? Сидел-то ведь не он, а я. И с тех пор я уже накрепко понял: не судно ходит, а капитан. Не судно гибнет, а... Вот тут-то я вам и расскажу недавний случай с моим другом-приятелем. Дело было так. Ледокол промышлял во льдах в Белом море. Промышлял, то есть у него на борту было душ полтора-два промышленников, и ледокол лазил меж льдов по свободной воде, шёл туда, где залёг зверь. Капитан был молодой, лет тридцати пяти мужчина. Промышленники его любили за то, что с ним пойдёшь — всегда удача. Зверя было «балго», и набили на льдине тюленей — беда сколько. Били и отстать не могли, в раж вошли люди от крови и от удачи. Такая жара пошла, что капитан сам не выдержал, сбежал на лёд и сажал багром тюленьи головы.

— Эх, здорово капитан завёл, — красные, в поту и в крови, хвалили капитана промышленники. А с запада потянул ветерок. Капитан уж на месте и торопит ребят:

— Ну, кончай! Кончай!

Да как бросишь? В десять лет раз, старики говорят, такая удача! Не бросать же, коли само счастье в руки лезет. Отвернись от него, так и оно отворотится. А вест свежает. Свежает вест, давит на лёд, и вот двинулась льдина, и дрейфует (дрейфовать — идти без машины, силой ветра) ледокол у кромки со льдом вместе. Пома-лу дрейфует к востоку. Темнеть стало. Ай и капитан, ну и капитан — прямо счастьем в карман впёрся! Ещё полчаса!

— Все на борт, снимаюсь! — Двинул капитан вдоль кромки: узкой полосой шла, как река в ледяных берегах, свободная вода.

— Умаялись, ребята, вари чего там на ужин. — А капитан дал полный ход: надо уйти из этой щели, а ещё не известно, как там лёд впереди. Часом бы раньше...

— А ну, смотайся в машину, скажи там, чтоб шевелили сколько духу. — И стал капитан серьёзным. Ходил по мостику и слышал, как внизу гомонят ребята, какого-то Митьку дразнят: вгорячах себе в валенок багром заса-дил. До Митьки тут! Ходу, ходу ещё! Вон лёд прямо по носу. Нет, это не поворот в канале, а затор. А может, слабый лёд? И капитан заметил, как помощник косым взглядом глянул на него. Капитан подошёл к телеграфу и два раза повернул ручку на весь размах и поставил на «полный» — значит, дай самый полный. Слышно было на мостике, как прозвонил крутым раскатом телеграф в машине. Пароход летел прямо в затор, сейчас, сейчас вонзится. Пароход ударил лёд пологим форштевнем (выступающее ребро на носу), выскочил, задрался нос, и сразу смолкли голоса под мостиком. Ледокол влез носом на лёд и стал, тужился машиной. И капитан, и помощник, сами того не замечая, напирали на планшир

мостика, тужились вместе с ледоколом. Нет! Стоп! — Назад! Машина стала, и снова заурчало в брюхе парохода. Ледокол слез, скатился форштевнем, соскочил со льда и присел на минуту нос. Лёд не поддался. Два раза ещё ударил в лёд капитан и запыхался, помогая пароходу. Он знал, что назад выхода нет и развернуться в узком канале нельзя. А внизу опять гудят, орут, как на ярмарке:

— Митька-то, в валенок!.. Ах, чтоб тебе!.. Значит, дрейфуем, вались спать, ребята!..

Капитан сам знал, что придётся дрейфовать к осту вместе со льдом в этом узком канале, в ледяной коробке. И знал капитан, знал, что там, справа к осту, — «кошки Литке». Пошёл в штурманскую, глянул на карту, глянул во всю силу. Да, вот ровно на ост — «кошки Литке». И сейчас отлив, малая вода. А вест свежал и свежал. Стало темно, промышленники уж глухо гудели под палубой, и только две папироски остро горели у правого борта. Двое курили и сплёвывали за борт.

Если б можно было ходить пешком по дну, хотя бы в водолазной одежде, то чего бы человек не увидел! Как леса, стоят на камнях водоросли, и в них, как птицы, реют рыбы. Вот, как пустыня, лежит песчаная отмель, и камни, как ежи, сидят, поросли ракушей. А дальше горы. Горы стоят, как пики, уходят ввысь, и если взобраться на них, уж рукой подать до неба — до водяной крыши, что дышит приливом и отливом каждые шесть часов. И такие горы стоят на дне Белого моря. Их нащупал Литке, нанёс на карту, и с тех пор называются «Кошки Литке».

И в полную приливную воду может над ними пройти пароход, но в отлив напорется и раскроит себе брюхо. Эти самые «кошки» и были по правому борту ледокола,

и был отлив, то есть была «кроткая вода», когда кончится отлив, должен начаться прилив. Капитан знал это. Знал, что в узком канале он будет дрейфовать до самых «кошек», что если он брюхом упрётся в «кошки», то через минуту лёд слева подойдёт к борту вплотную, напёрёт, напёрёт неодолимо, как если бы берег, сам материк надвинулся на него, напёрёт в борт и положит ледокол мачтами на воду, и тогда — аминь. Звать по радио на помощь? Кто же пробьётся к нему, когда он, ледокол, не может выбиться? Только раззвонить по свету... чтоб люди смеялись и враги радовались.

И он знал, что вот скоро-скоро царапнет дном. Приказал держать полный пар и ушёл в каюту. Посидел на койке, всё смотрел на свои большие руки. «Положит набок пароход... положит...» Где «кошки»? И спиной чувствовал, что там, сзади него, под водой, подо льдом, стоят эти «кошки» и ждут. Сколько до них? Нельзя знать, тут дело не в саженях. Поглядел в альманах (астрономический справочник). И без карандаша в уме считалось само до секунды — сейчас идёт прилив — только начался. И капитан натуживался, помогал подниматься воде, каждый дюйм воды будто сам своей натугой подымал.

На пароходе было тихо, и только слышно было под низом, как гудит динамо, качает свет. Свежий вест драил по мостику. А ухо было всё внизу, там, у дна, где должны царапнуть камни. Капитан перестал глядеть на часы и считать дюймы, а слушал. Вот! Чиркнуло. На пароходе спокойно, никто не слышал. Капитан вытянул ящик и вынул кольт. Камни теперь пойдут выше и выше... Но бежит вода на помощь, оттуда, из океана, через горло Белого моря. Поспеет ли? Ух, заскребло как, заскрежетал кто-то зубами. И пошатнуло ледокол. И вон голоса

на палубе. Помощник прошагал мимо двери, но не стукнул в дверь... Опять! Покренился чуть... Пронесло... Кричит кто-то на палубе:

— На лёд, да и пойдём, ещё как пойдём-то, куда с добром. Телеграмму даст... Всех снимут. Да к маяку зашагаем, что по земле. Погоди скакать, трап спустим.

Гудят, топают. Теперь даже весело кричат. Все на палубе... Механик около дверей говорит:

— Так вы спросите, тушить, что ли, котлы? А то я на лёд и марш.

И голос помощника:

— Спрашивайте сами... А я спрашивать не стану. Вона сколько уж народу на льду-то. — И оба отошли через минуту.

Опять! Опять! И в ответ загудело на палубе, но капитан слышал только, как силится, скребётся он дном по камням. Капитан взял в руку кольт. Нет, поддувает, поддувает вода... а в упор к борту стоит лёд. Нету! Нету! Уже пять минут, может быть, нету... Капитан взглянул на часы. Если ещё пять минут не будет... И не было. Капитан глянул на себя в зеркало. Он был красен весь, лицом и шеей, в один ровный багровый цвет. Не узнавал красного человека и от глаз не мог оторваться: сам на себя смотрел. Потом, не брякнув, сунул кольт в ящик и аккуратно притворил. Вышел на мостик. Взошла красная луна.

— Определиться? — спросил помощник.

— Всех я вас уж определил, кто чего стоит, — сказал капитан и сам взял секстант (астрономический прибор) из штурманской. А утром стал бриться и увидал, что виски седые.

«МАРИЯ» И «МЭРИ»

Это было в Чёрном море в ноябре месяце. Русская парусная шхуна «Мария» под командой хозяина Афанасия Нечепуренки шла в Болгарию с грузом жмыхов в трюме. Была ночь, и дул свежий ветер с востока, холодный и с дождём. Ветер был почти попутный. Тяжёлые, намокшие паруса едва маячили на тёмном небе чёрными пятнами. По мачтам и снастям холодными струями сбегала вода. На мокрой палубе было темно и скользко. Впрочем, сейчас и ходить было некому.

Один рулевой стоял у штурвала и ёжился, когда холодная струя попадала с шапки за ворот. В матросском кубрике в носу судна в сырой духоте спало по койкам пять человек матросов. Кисло пахло махоркой и грязным человеческим жильём. Мальчишку Федьку кусали блохи, и ему не спалось. Было душно. Он встал, нащупал трап и вышел на палубу. Он натянул на голову рваный бушлат и зашлёпал босиком по мокрым доскам. Слышно было, как хлёстко поддавала зыбь в корму. Федька хорошо узнал палубу за два года и в темноте не спотыкался.

Море казалось чёрным, как чернила, и только кое-где скалились белые гребешки.

Федька заглянул в люк хозяйской каюты.

Там вспыхивал огонёк папиросы.

— Эге! — крикнул Нечепуренко. — Кто це? Хведька? А ну, ходы.

Федька спустился в каюту.

— Хлопцы огонь задули? Ну-ну! Жгут дурно керосин, не в думках, что в деревне люди с каганцами* живут.

**Каганец* – светильник в виде черепка, плошки или блюдечка с фитилём, опущенным в сало или растительное масло.

Огня не было не только в кубрике, но не были выставлены и отличительные огни по бортам: справа зелёный и слева красный. По этим огням суда ночью узнают друг друга и избегают столкновений.

— Як не спишь, — продолжал хозяин, — то уж не спи: тут могут пароходы встретиться. Поглядывай в море.

Федька подошёл к рулевому.

— Что трясёшься? — спросил рулевой. — Ямы боишься?

— Та смерз, — сказал Федька. — А кака та яма?

— Не знаешь?

Федька много слышал росказней про яму, не верил им, но всё-таки любил послушать. А ночью так и побаивался: а вдруг в самом деле есть?

— Нема никакой ямы, — сказал Федька, — ты её видал?

— А вот и видал: там повсегда зыбь. Ревёт! — аж воеет. Я раз с греками плавал, видал, как судно туда утянуло. Хоп, и амба!

— Брешешь? — испугался Федька.

— Вот чтоб я пропал! Пароходы затягает.

— А где ж она?

— Аккурат посередь моря. Греки знают.

— Да врёшь ты! — отмахивался Федька.

— Верное слово. Вот чего Афанасий не спит? — добавил рулевой вполголоса. — Накажи меня Бог, ямы боится.

— Федька! — крикнул из каюты хозяин. — Смотри огни! Уши развесил.

Федька стал вглядываться в темноту, и действительно далеко впереди, справа, ему показался белый огонёк. А сам прислушался, не гудит ли впереди яма.

Английский грузовой пароход «Мэри» с полным грузом русского хлеба шёл, направляясь вдоль западного берега Чёрного моря, в Босфор, чтоб оттуда идти дальше в Ливерпуль.

Зелёный и красный огни ярко светились по бортам: там горели сильные электрические лампы. Ещё один белый огонь горел на мачте. Этот огонь на мачте носят пароходы в отличие от парусных судов, которым пароходы всегда должны уступать в море дорогу.

Пароход был недавно построен, всё было новенькое, и исправная машина работала как часы. На носу судна стоял вахтенный «баковый» и зорко смотрел вперед. Тут же висел большой сигнальный колокол, которым баковый давал знать вахтенному штурману, когда появится на горизонте огонь: ударит раз — значит огонь справа, два — слева, три раза — прямо по пути парохода.

Молодой помощник капитана, штурман Юз, был на вахте и ходил взад и вперед по капитанскому мостику.

Вдруг он услышал три спешных удара в колокол с бака. Он глянул вперед: почти перед самым носом парохода слабо мигал зеленый огонек.

— Лево на борт! — крикнул Юз рулевому, и пароход резко покотился влево.

Реи парусника едва не задела пароход.

— Проклятые! Дикари! Четвёртый раз! — ворчал про себя Юз. — На курс! — скомандовал он рулевому.

Рулевой повернул штурвал, закликала рулевая машина, и пароход пошёл по прежнему направлению.

Капитан Паркер сидел на кожаном диванчике в своей каюте, которая помещалась тут же у капитанского мостика. Две электрические лампочки горели над полированным столиком, на котором стояли бутылка виски и

сифон содовой воды. Капитан курил из трубки душистый английский табак и записывал в свой кожаный альбом русские впечатления. Он боялся, что за длинную дорогу забудет и не сумеет толком рассказать своим ливерпульским друзьям про Россию.

«На улицах громко говорят, кричат, — писал он, — на тротуарах толкаются и не извиняются...»

Бах, бах, бах! — опять раздались три удара с бака. Капитан Паркер надел фуражку и выскочил из каюты. — В чём дело, Юз? Опять? — спросил он помощника. — Право, право, ещё право! — командовал Юз.

Красный огонёк совсем близко проскользнул мимо левого борта.

— Что они, издеваются? — сказал Паркер.

— Мы ведь должны уступать паруснику по закону, — ответил Юз.

— Но ведь закон, мистер Юз, запрещает ходить в море без огней, как пираты. Или вы считаете правильным, когда огни внезапно появляются за три сажени? — назидательно сказал капитан.

— Что же, бить? — спросил Юз.

— Надо быть твёрдым, когда ты прав.

— Конечно, следовало бы проучить, — слабо заметил Юз.

— Ну, а раз так, то не меняйте в таких случаях курса, Юз, — ответил Паркер.

Капитан круто повернулся и ушёл к себе в каюту.

Артур Паркер представил себе, как его пароход, гладко выкрашенный в красивый серый цвет, горит яркими электрическими огнями, чистый, сильный, гордо идёт среди этих замухрышек-парусников.

Джентльмен в толпе дикарей.

Он вспомнил, как в русском порту его два раза толкнули на улице.

Чёрт возьми! Он не успел опомниться, как уже обидчик куда-то исчез.

Никак не подворачивалось удобного случая, чтобы проучить эту публику.

Артур Паркер представлял, как он будет рассказывать про это в Ливерпуле и как все будут ждать, что он сейчас скажет, как он сумел показать этим дикарям, с кем они имеют дело. А сказать было нечего. Паркер сильно досадовал на себя.

«Вот и с этим парусником упущен случай. Этот разиня Юз! Надо было просто — трах! Довольно миндальничать — носите огни в море... Какой был удобный случай!» — досадовал капитан.

Паркер снова вышел на мостик. Он надеялся всё-таки, что вдруг представится ещё такой же случай, и не рассчитывал на Юза.

— Они, кажется, вас выдрессировали, Юз, — едко сказал он помощнику, — вы ловко обходите этих господ, юлите, как лакей в ресторане.

Юз молчал и смотрел вперёд.

— Дядьку, — крикнул Федька хозяину, — вже блище огонь, пароход аккурат на нас идёт!

Нечепуренко высунулся из каюты.

— А таки здоровый пароход, — сказал он, помолчав, — должно, с Одессы, с хлибом. А ты где, Федька, закинул той старый фалень?* С него ще добры постромки выйдуть.

*Фалень — морск. верёвка, которой привязывается к пристани гребное судно.

— Дядьку! Ой, фонарь давайте! — кричал Федька. Он не спускал глаз с парохода, и ему ясно было, что если пароход через минуту не свернёт, то столкновение неизбежно.

Рулевой не выдержал и стал забирать лево.

— Що испугался? — крикнул Нечепуренко. — Держи, бисова душа, як було! На серники, — обратился он к Федьке.

Федька вырвал из рук хозяина коробок спичек и бросился в каюту, нащупал на стене фонарь, чиркнул спичку — красный. Надо правый, зелёный. Впопыхах дрожащими руками Федька чиркал спичку за спичкой, они ломались, тухли, он не мог зажечь нагоревшей светильни. Горит! Федька с маху захлопнул дверцу — фонарь мигнул и потух.

— Не сдавайсь под ветер! — слышал он, как кричал наверху хозяин рулевому.

Федька снова чиркал спички, чувствовал, что теперь уж каждая секунда стоит жизни. Наконец он выбежал с зелёным огнём на палубу и направил фонарь к пароходу.

Пароход был совсем близко, и Федьке казалось, что прямо в упор глядят красный и зелёный глаза парохода. Он услышал, что там спешно пробили три удара в колокол.

— Так держать! — крикнул Нечепуренко злым голосом.

— Так держать! — раздалась жёсткая команда по-английски на пароходе.

Не меняя курса, «Мэри» шла прямо на парусник.

— Лева, лева! — завопил Нечепуренко.

Но было уже поздно. Федька видел, как с неудержимой силой на них из темноты летел высокий нос парохода, не замечая их, направляясь в самую середину судна. Ему стало страшно, что пароход прямо раздавит его, Федьку.

Он выпустил на палубу фонарь, опрометью бросился к вантам* и, как обезьяна, полез на мачту.

— Гей, гей! — в один голос крикнули хозяин и рулевой, но в тот же почти момент оба слетели с ног от удара: пароход с полного хода врезался в судно.

Раздался страшный хрустящий удар. Федьку потрянуло, и он едва удержался на вантах. В двух аршинах от себя он ясно увидел серый корпус судна; закрыл глаза, сжался в комок и изо всей силы уцепился за ванты. Что-то грохнуло, ударило, мачту покачнуло, и когда Федька открыл глаза, он увидел удаляющиеся огни парохода, а внизу — он ничего не мог понять — вода была в двух аршинах под ним. Он вскарабкался выше и с ужасом видел, что вода поднимается за ним. Он стал на салинг** и обхватил стеньгу***, не спуская глаз с воды. Чёрная, слепая зыбь ходила там внизу, но теперь она не шла выше, как будто бы мачта перестала погружаться. Но Федька не верил и не отводил глаз от воды.

Капитан Паркер молчал и глядел вперёд, как будто ожидая ещё чего-то.

Ему казалось, что это ещё не всё. А «Мэри» всё удалялась от места крушения.

Команда выскочила на палубу, все тревожно спрашивали бакового, что случилось.

«Всё правильно, да, да, всё правильно...» — думал Паркер. Он сам не ожидал, что так всё это будет, и теперь испуганная совесть искала оправданий.

**Ванты* — снасти стоячего такелажа, которыми укрепляют мачты.

***Салинг* — рама из продольных и поперечных брусьев, которая соединяет верхние части мачты.

****Стеньга* — верхняя часть составной мачты.

— Капитан, там ведь люди остались? — взволнованным голосом сказал Юз.

— Да, да... — ответил Паркер, не понимая слов помощника.

— Право на борт! — крикнул Юз рулевому. — Обратный румб!

— Есть обратный румб, — торопливо ответил рулевой.

— Да, да, обратный румб, — сказал Паркер, как будто приходя в себя.

Команда без приказаний готовила шлюпку к спуску.

«Мэри» малым ходом пошла назад к месту крушения. Матросы толпились на баке и, перебрасываясь тревожными словами, напряжённо вглядывались в темноту ночи.

— Здесь, должно быть, — сказал Юз.

— Стоп машина! — скомандовал Паркер.

«Мэри» медленно шла с разгона. Но никто ничего не видел. Паркер скомандовал, пароход делал круги; наконец всем стало ясно, что места крушения не найти, не увидеть даже плавающих обломков в темноте осенней дождливой ночи.

— Найти, непременно найти, — шептал Паркер, — всех найти, они тут плавают. Они хорошо умеют плавать... Мы всех спасём, — говорил он вслух, — не так ли, Юз?

Юз молчал.

— Да, да, — отвечал сам себе капитан.

И он крутил, то увеличивая ход, то вдруг останавливая машину. Так длилось около часу.

— На курс, — вполголоса сказал Юз, подойдя к рулевому, и дал полный ход машине.

«Мэри» пошла опять своей дорогой на юг.

— Ведь за три сажени показались огни, Юз, не правда ли? — сказал Паркер.

— Не знаю, капитан... — ответил помощник, не повернув головы.

Паркер ушёл в каюту.

Теперь он думал: «Там остались в море люди... их спасут. Ну, может быть, одного... он расскажет... а если все утонули, парусника не так скоро хватятся».

Он старался себя успокоить, вспоминая рассказы товарищей моряков, какие он слышал. Как-то все выходили с победой, и было даже весело и смешно. Он попробовал весело подумать, но случайно увидел своё лицо в зеркале, и ему стало страшно. Ему показалось, что теперь не он ведёт пароход, а Юз везёт его, Паркера, туда, в Константинополь. Ему казалось, что самое главное — вырваться из этого проклятого Чёрного моря. Прошмыгнуть через Босфор, чтобы не узнали. Проклятый серый цвет — все пароходы чёрные. Если б чёрный!.. Ему хотелось сейчас же вскочить и замазать этот предательский серый цвет.

Вдруг Паркер встал, вышел и быстро прошёл в штурманскую рубку, где лежали морские карты. Через пять минут он подошёл к Юзу и сказал:

— Ложитесь на курс норд-вест восемьдесят семь градусов.

«Мэри» круто повернула вправо.

Когда Паркер ушёл, Юз глянул в карту: они шли к устью Дуная.

Русский пассажирский пароход возвращался из Александрийского рейса. Не прекращавшийся всю ночь сильный восточный ветер развёл большую зыбь. Низкие тучи неслись над морем. Насилу рассвело. Продрогший вахтенный штурман кутался в пальто и время от времени посматривал в бинокль, отыскивая Федонисский маяк, и ждал смены.

— Маяка ещё не видать, — сказал он пришедшему товарищу, — а вот там вежа какая-то.

— Никакой тут не должно быть.

— Посмотрите, — и он передал бинокль.

— Да, да, — сказал тот, посмотрев. — Да стойте, на ней что-то... Это мачта, право, мачта.

Доложили капитану, и вот пароход, уклонившись от пути, пошёл к этой торчавшей из воды мачте. Скоро вся команда узнала, что идут к какой-то мачте, и все высыпали на палубу.

— Побей меня Господь, на ней человек, чтоб я пропал! — кричал какой-то матрос.

Но с мостика в бинокль давно уже различили человека и теперь приказали спустить шлюпку. Это трудно было сделать при таком волнении, и шлюпку чуть не разбило о борт парохода. Но всем наперерыв хотелось поскорее подать помощь и узнать, в чём дело. Даже бледные от морской болезни пассажиры вылезли на палубу и ожили. Пароход стоял совсем близко, и всем уже ясно было видно, что на салинге, торчавшей из воды мачты стоял мальчик.

Все напряжённо следили за нырявшей в зыби шлюпкой. Подойти к мачте так, чтоб кому-нибудь перелезть на неё, нельзя было, а мальчик вниз не спускался: видно было, как кричали со шлюпки и махали руками.

— Умер, умер! — говорили пассажиры. — Застыл, бедняга.

Но мальчик вдруг зашевелился. Он, видимо, с трудом двигал руками, распутывая верёвку вокруг своего тела. Потом он зашатался и плюхнулся в воду около самой шлюпки, едва не ударившись о борт. Его подхватили. Федька был почти без чувств; с трудом удалось вырвать

у него несколько слов: «Ночью... серый... нашу „Марию”... с ходу в бок...» Он скоро впал в беспамятство и бессвязно бредил. Но моряки уже поняли, что случилось, и в тот же день из порта полетели телеграммы: нетрудно было установить, какой серый пароход мог оказаться в этом месте в ту ночь.

Дней через пять после крушения «Марии» чёрный английский пароход пришёл в Константинополь и стал на якорю в проливе. Штурман отправился на шлюпке предъявить свои бумаги портовым властям. Через час к пароходу пришла с берега шлюпка с английским флагом.

— Я британский консул, — сказал вахтенному матросу высадившийся джентльмен, — проводите меня к капитану.

Капитан встал, когда в дверях каюты появился гость.

— Я здешний консул. Могу с вами переговорить? Вы капитан Артур Паркер, не так ли?

— Да, сэр...

Капитан покраснел и нахмурился. Он волновался и забыл пригласить гостя сесть.

— Откуда вы идёте? — спросил консул.

— Мои бумаги на берегу.

— Мне их не надо, я верю слову англичанина.

— Из... Галаца, сэр.

— Но вы шли из России? — спросил консул. — У вас был груз для Галаца?

— Ремонт, — сказал Паркер. Он с трудом переводил дух, и консулу жалко было смотреть, как волновался этот человек. — Маленький... ремонт, сэр... в доке.

— И там красились? — спросил консул.

Паркер молчал.

Консул достал из бумажника телеграмму и молча подал её Паркеру. Паркер развернул бумажку. Глаза его бегали по буквам, он не мог ничего прочесть, но видел, что это то, то самое, чего он так боялся. Он уронил руку с телеграммой на стол, смотрел на консула и молчал.

— Может быть, вы отправитесь со мной в консульство, капитан? Вы успокойтесь и объяснитесь, — сказал наконец консул.

Паркер надел фуражку и стал совать в карманы ту-журки вещи со стола, не понимая, что делает.

— Не беспокойтесь, за вещами можно будет послать с берега, — сказал консул.

На палубе их встретил Юз. Он уже знал, в чём дело.

— Простите, — обратился он к консулу, — они все...

— Спасся один только мальчик, он дома и здоров, — ответил консул, — их было восемь...

Паркер вздрогнул и, обогнав консула, не глядя по сторонам, быстрыми шагами направился к шлюпке. Теперь он хотел, чтобы его скорее арестовали.

На другой день чёрная «Мэри» вышла в Ливерпуль под командой штурмана Эдуарда Юза.

МЕХАНИК САЛЕРНО

I

Итальянский пароход шёл в Америку. Семь дней он плыл среди океана, семь дней ещё оставалось ходу. Он был в самой середине океана. В этом месте тихо и жарко.

И вот что случилось в полночь на восьмые сутки.

Кочегар шёл с вахты спать. Он шёл по палубе и заметил, какая горячая палуба. А шёл он босиком. И вот голую подошву жжёт. Будто идёшь по горячей плите. «Что такое? — подумал кочегар. — Дай проверю рукой. — Он нагнулся, пощупал: — Так и есть, очень нагрета. Не может быть, чтобы с вечера не остыла. Неладно что-то». И кочегар пошёл сказать механику. Механик спал в каюте. Раскинулся от жары. Кочегар подумал: «А вдруг это я зря, только кажется? Заругает меня механик: чего будишь, только уснул».

Кочегар забоялся и пошёл к себе. По дороге ещё раз тронул палубу. И опять показалось — вроде горячая.

II

Кочегар лёг на койку и всё не мог уснуть. Всё думал: сказать, не сказать? А вдруг засмеют? Думал, думал, и стало казаться всякое, жарко показалось в каюте, как в духовке. И всё жарче, жарче казалось. Глянул кругом — все товарищи спят, а двое в карты играют. Никто ничего не чует. Он спросил игроков:

— Ничего, ребята, не чуете?

— А что? — говорят.

— А вроде жарко.

Они засмеялись.

— Что ты, первый раз? В этих местах всегда так. А ещё старый моряк!

Кочегар крикнул и повернулся на бок. И вдруг в голову ударило: «А что, как беда идёт? И наутро уже поздно будет? Все пропадём. Океан кругом на тысячи верст. Потонем, как мыши в ведре».

Кочегар вскочил, натянул штаны и выскочил наверх. Побежал по палубе. Она ему ещё горячей показалась. С разбегу стукнул механику в двери. Механик только мычал да пыхтел. Кочегар вошёл и потолкал в плечо. Механик нахмурился, глянул сердито, а как увидел лицо кочегара, крикнул:

— Что случилось? — и вскочил на ноги. — Опять там подрались?

А кочегар схватил его за руку и потянул вон. Кочегар шепчет:

— Попробуйте палубу, синьор Салерно.

Механик головой спросонья крутит — всё спокойно кругом. Пароход идёт ровным ходом. Машина мурлычет мирно внизу.

— Рукой палубу троньте, — шепчет кочегар. Схватил механика за руку и прижал к палубе.

Вдруг механик отдернул руку.

— Ух, черт, верно! — сказал механик шёпотом. — Стой здесь, я сейчас.

Механик ещё два раза пощупал палубу и быстро ушёл наверх.

III

Верхняя палуба шла навесом над нижней. Там была каюта капитана.

Капитан не спал. Он прогуливался по верхней палубе. Поглядывал за дежурным помощником, за рулевым, за огнями.

Механик запыхался от скорого бега.

— Капитан, капитан! — говорит механик.

— Что случилось? — И капитан придвинулся вплотную, глянул в лицо механику и сказал: — Ну-ну, пойдёмте в каюту.

Капитан плотно запер дверь. Закрыл окно и сказал механику:

— Говорите тихо, Салерно. Что случилось?

Механик перевёл дух и стал шептать:

— Палуба очень горячая. Горячей всего над трюмом, над средним. Там кипы с пряжей и эти бочки.

— Тсс! — сказал капитан и поднял палец. — Что в бочках, знаем вы да я. Там, вы говорили, хлористая соль? Не горячая? — Салерно кивнул головой. — Вы сами, Салерно, заметили или вам сказали? — спросил капитан.

— Мне сказал кочегар. Я сам пробовал рукой. — Механик тронул рукой пол. — Вот так. Здорово...

Капитан перебил:

— Команда знает?

Механик пожал плечами.

— Нельзя, чтобы знали пассажиры. Их двести пять человек. Начнётся паника. Тогда мы все погибнем раньше, чем пароход. Надо сейчас проверить.

Капитан вышел. Он покосился на пассажирский зал. Там ярко горело электричество. Нарядные люди гуляли мимо окон по палубе. Они мелькали на свету, как бабочки у фонаря. Слышен был веселый говор. Какая-то дама громко хохотала.

IV

— Идти спокойно, — сказал капитан механику. — На палубе — ни звука о трюме. Где кочегар?

Кочегар стоял, где приказал механик.

— Давайте градусник и верёвку, Салерно, — сказал капитан и закурил.

Он спокойно осматривался кругом. Какой-то пассажир стоял у борта.

Капитан зашагал к трюму. Он уронил папироску. Стал поднимать и тут пощупал палубу. Палуба была нагрета. Смола в пазах липла к руке. Капитан весело обругал окурочек, кинул за борт.

Механик Салерно подошёл с градусником на верёвке.

— Пусть кочегар смерит, — приказал капитан шёпотом.

Пассажир перестал глядеть за борт. Он подошёл и спросил больным голосом:

— Ах, что это делают? Зачем, простите, эта верёвка? Верёвка, кажется? — И он стал щупать верёвку в руках кочегара.

— Ну да, верёвка, — сказал капитан и засмеялся. — Вы думали, змея? Это, видите ли... — Капитан взял пассажира за пуговку. — Иди, — сказал капитан кочегару. — Это, видите ли, — сказал капитан, — мы всегда в пути мерим. С палубы идёт труба до самого дна.

— До дна океана? Как интересно! — сказал пассажир.

«Он дурак, — подумал капитан. — Это самые опасные люди».

А вслух рассмеялся:

— Да нет! Труба до дна парохода. По ней мы узнаем, много воды в трюме или нет.

Капитан говорил сущую правду. Такие трубы были у каждого трюма.

Но пассажир не унимался.

— Значит, пароход течёт, он дал течь? — вскрикнул пассажир.

Капитан расхохотался как мог громче.

— Какой вы чудак! Ведь это вода для машины. Её нарочно запасают.

— Ай, значит, мало осталось! — И пассажир заломил руки.

— Целый океан! — И капитан показал за борт. Он повернулся и пошёл прочь. Впотымах он заметил пассажира.

Роговые очки, длинный нос. Белые в полоску брюки. Сам длинный, тощий.

Салерно чиркал у трюма.

V

— Ну, сколько? — спросил капитан.

Салерно молчал. Он выпучил глаза на капитана.

— Шестьдесят три, — еле выговорил Салерно.

И вдруг сзади голос:

— Святая Мария, шестьдесят три!

Капитан оглянулся. Это пассажир, тот самый. Тот самый, в роговых очках.

— Мадонна путана! — выругался капитан и сейчас же сделал весёлое лицо. — Как вы меня напугали! Почему вы бродите один? Там наверху веселее. Вы поссорились там?

— Я нелюдим, я всегда здесь один, — сказал длинный пассажир.

Капитан взял его под руку. Они пошли, а пассажир всё спрашивал:

— Неужели шестьдесят? Боже мой! Шестьдесят? Это ведь правда?

— Чего шестьдесят? Вы ещё не знаете чего, а расстраиваетесь. Шестьдесят три сантиметра. Этого вполне хватит на всех.

— Нет, нет! — мотал головой пассажир. — Вы не обманете! Я чувствую.

— Выпейте коньяку и ложитесь спать, — сказал капитан и пошёл наверх. — Такие всегда губят, — бормотал он на ходу. — Начнёт болтать, поднимет тревогу. Пойдёт паника.

Много случаев знал капитан. Страх — это огонь в соломе. Он охватит всех. Все в один миг потеряют ум. Тогда люди режут по-звериному. Толпой мечутся по палубе. Бросаются сотнями к шлюпкам. Топорами рубят руки. С воем кидаются в воду. Мужчины с ножами бросаются на женщин. Пробивают себе дорогу. Матросы не слушают капитана. Давят, рвут пассажиров. Окровавленная толпа бьётся, ревет. Это бунт в сумасшедшем доме.

«Этот длинный — спичка в соломе», — подумал капитан и пошёл к себе в каюту. Салерно ждал его там.

VI

— Вы тоже! — сказал сквозь зубы капитан. — Выпучили глаза — утопленник! А этого болвана не увидели? Он суётся, носится за мной. Нос свой тычет, тычет, — капитан тыкал пальцем в воздух. — Он всюду, всюду! А нет его тут? — И капитан открыл двери каюты.

Белые брюки шагнули в темноте. Стали у борта. Капитан запер дверь. Он показал пальцем на спину и сказал зло:

— Тут, тут, вот он. Говорите шёпотом, Салерно. Я буду напевать.

— Шестьдесят три градуса, — шептал Салерно. — Вы понимаете? Значит...

— Градусник какой? — шепнул капитан и снова замурлыкал песню.

— С пеньковой кистью. Он не мог нагреться в трубе. Кисть была мокрая. Я быстро подымал и тотчас глянул. Пустить, что ли, воду в трюм?

Капитан вскинул руку.

— Ни за что! Соберётся пар, взорвёт люки.

Кто-то тронул ручку двери.

— Кто там? — крикнул капитан.

— Можно? Минуту! Один вопрос! — Из-за двери всхлипывал длинный пассажир.

Капитан узнал голос.

— Завтра, дружок, завтра, я сплю! — крикнул капитан. Он плотно держал дверь за ручку. Потушил свет.

Прошла минута. Капитан шёпотом приказал Салерно:

— Первое: дайте кораблю самый полный ход. Не жалейте ни котлов, ни машины. Пусть её хватит на три дня. Надо делать плоты. Вы будете распоряжаться работой. Идёмте к матросам.

Они вышли. Капитан осмотрелся. Пассажира не было. Они спустились вниз. На нижней палубе беспокойно ходил пассажир в белых брюках.

— Салерно, — сказал капитан на ухо механику, — занимайте этого идиота чем угодно! Что хотите! Играйте

с ним в чехарду! Анекдоты! Врите! Но чтобы он не шёл за мной. Не спускайте с него глаз!

Капитан зашагал на бак. Спустился в кубрик к матросам. Двое быстро смахнули карты на палубу.

— Буди всех! Всех сюда! — приказал капитан. — Только тихо.

Вскоре в кубрик собралось восемнадцать кочегаров и матросов. С тревогой глядели на капитана. Молчали, не шептались.

— Все? — спросил капитан.

— Остальные на вахте, — сказал боцман.

VII

— Военное положение! — крепким голосом сказал капитан.

Люди глядели и не двигались.

— Дисциплина — вот. — И капитан стукнул револьвером по столу. Обвёл всех глазами. — На пароходе пожар.

Капитан видел: бледнеют лица.

— Горит в трюме номер два. Тушить поздно. До опасности осталось три дня. За три дня сделать плоты. Шлюпок мало. Работу покажет механик Салерно. Его слушаться. Пассажирам говорить так: капитан наказал за игру и драки. Сболтни кто о пожаре — пуля на месте. Между собой — об этом ни слова. Поняли?

Люди только кивали головами.

— Кочегары! — продолжал капитан. — Спасенье в скорости. Не жалеть сил!

Капитан поднялся на палубу. Глухо загудели внизу матросы. А впереди капитан увидал: Салерно стоял

перед пассажиром. Старик-механик выпятил живот и покачивался.

— Уверяю вас, дорогой мой, слушайте, — пыхтел механик, — уверяю, это в Алжире... ей-богу... и арапки... танец живота... Вот так!

Пассажир мотал носом и вскрикивал:

— Не верю, ведь ещё семь суток плыть!

— Клянусь мощами Николая-чудотворца! — Механик задыхался и вертел животом.

— Поймал, поймал! — весело крикнул капитан.

Механик оглянулся.

Пассажир бросился к капитану.

— Все там играли в карты. И все передрались. Это от безделья. Теперь до самого порта работать. Выдумайте им работу, Салерно. И потяжелее. Бездельники все они! Все! Пусть делают что угодно. Стругают. Пилят. Куют. Идите, Салерно. По горячему следу. Застегните китель!

VIII

— Идёмте, синьор. Вы мне нравитесь... — Капитан обхватил пассажира за талию.

— Нет, я не верю, — говорил пассажир упрямо, со слезами. — У нас есть пассажир. Он — бывший моряк. Я его спрошу. Что-то случилось. Вы меня обманываете.

Пассажир рвался вперёд.

— Вы не хотите сказать. Тайна! Тайна!

— Я скажу. Вы правы — случилось, — сказал тихо капитан. — Станемте здесь. Тут шумит машина. Нас не услышат.

Капитан облокотился на борт. Пассажир стал рядом.

— Я вам объясню подробно, — начал капитан. — Видите вы вон там, — капитан перегнулся за борт, — вон вода бьет струей? Это из машины за борт.

— Да, да, — сказал пассажир, — теперь вижу.

Он тоже глядел вниз. Придерживал очки.

— Ничего не замечаете? — сказал капитан.

Пассажир смотрел всё внимательнее. Вдруг капитан присел. Он мигом схватил пассажира за ноги. Рывком запрокинул вверх и толкнул за борт. Пассажир перевернулся через голову. Исчез за бортом. Капитан повернулся и пошёл прочь. Он достал сигару, отгрыз кончик. Отплюнул на сажень. Ломал спички, пока закуривал.

IX

Капитан пошёл наверх и дал распоряжение: повернуть на север.

Он сказал старшему штурману:

— Надо спешить на север. Туда, на большую дорогу. Тем путем ходит много кораблей. Там можно скорее встретить помощь.

Машина будто встрепенулась. Она торопливо вертела винт. Пароход заметно вздрагивал. Он мелко трясся корпусом — так сильно вертела машина.

Через час Салерно доложил капитану:

— Плоты готовят. Я велел ломать деревянные переборки. Сейчас машина даёт восемьдесят два оборота. Предохранительные клапаны на котлах заклёпаны. Если котлы выдержат... — и Салерно развёл руками.

— Тогда постарайтесь дать восемьдесят пять оборотов. Только осторожно, Салерно. Машина сдаст, и мы пропали. Люди спокойны?

— Они молчат и работают. Пока что... Их нельзя оставлять. Там второй механик. Третий — в машине. Фу!

Салерно отдувался. Он снял шапку. Сел на лавку. Замотал головой. И вдруг вскочил:

— Я смерю, сколько градусов.

— Не смей! — оборвал капитан.

— Ах да, — зашептал Салерно, — этот идиот! Где он? — и Салерно огляделся.

Капитан не сразу ответил.

— Спит. — Капитан коротко свистнул в свисток и приказал вахтенному: — Третьего штурмана ко мне!

— Слушайте, Гропани, вам двадцать пять лет...

— Двадцать три, — поправил штурман.

— Отлично, — сказал капитан. — Вы можете прыгать на одной ножке? Ходить колесом? Сколько есть силы, забавляйте пассажиров! Играйте во все дурацкие игры! Чтобы сюда был слышен ваш смех! Ухаживайте за дамами. Вываливайте все ваши глупости. Кричите петухом. Лайте собакой. Мне наплевать. Третий механик вам в помощь, на весь день. Я вас научу, что врать.

— А вахта? — и Гропани хихикнул.

— Это и есть ваша вахта. Всю вашу дурость сыпьте. Как из мешка. А теперь спать!

— Есть! — сказал Гропани и пошёл к пассажирам.

— Куда? — крикнул капитан. — Спать!

Х

Капитан не спал всю ночь. Под утро приказал спустить градусник. Градусник показал 67. «Восемьдесят пять оборотов», — доложили из машины. Пароход трясся, как в лихорадке. Волны крутым бугром расходились от носа.

Солнце взошло справа. Ранний пассажир вышел на палубу. Посмотрел из-под руки на солнце. Вышел толстый аббат в жёлтой рясе. Они говорили. Показывали на солнце. Оба пошли к мостику.

— Капитан, капитан! Ведь солнце взошло справа, оно всходило сзади, за кормой. Вы изменили курс. Правда? — говорили в два голоса и пассажир и священник.

Гропани быстро взбежал наверх.

— О конечно, конечно! — говорил Гропани. — Впереди Саргассово море. Не знаете? Это морской огород. Там водоросли, как змеи. Они опутают винт. Это прямо похлёбка с капустой. Вы не знали? Мы всегда обходим. Там завязло несколько пароходов. Уж много лет.

Пожилая дама в утреннем платье вышла на голоса.

— Да, да, — говорил Гропани, — там дамы хозяйничают, как у себя дома.

— А есть-то что? — спросила дама.

— Рыбу! Они рыбу ловят! — спешил Гропани. — И чаек. Они чаек наловили. Они у них несутся. Цыплят выводят. Как куры. И петухи кричат: «Ку-ка-ре-ку!»

— Вздор! Вздор! — смеялась дама.

А Гропани бил себя в грудь и кричал:

— Клянусь вам всеми спиртными напитками!

Пассажиры выходили на палубу. Вертлявый испанец суетился перед публикой.

— Господа, пока не жарко, партию в гольд! — кричал он по-французски и вертел чёрными глазами.

— Будьте мужчиной, — говорил испанец и тряс за руку Гропани, — приглашайте дам!

— Одну партию до кофе! Умоляйте! — Испанец стал на колени и смешно шевелил острыми усами.

— Вот так и будете играть, — крикнул Гропани, — на коленях!

— Да! Да! На коленях! — закричали дамы.

Все хохотали. Испанец делал рожи, смешил всех и кричал:

— Приглашайте дам!

Гропани поклонился аббату и сделал руку кренделем:

— Прошу.

Аббат замахал рукой:

— Ах, простите, я близорук.

Всем стало весело. Кто-то притащил клюшки и большие шашки. Началась игра; на палубе начертили крестики. Клюшками толкали шашки.

XI

— Сегодня особенно трясёт, — вдруг сказал испанец. — Я чувствую коленками. Не правда ли?

Все минуту слушали.

— Да вы посмотрите, как мы идём! — крикнул Гропани.

Публика хлынула к борту.

— Это секрет, секрет, — говорил Гропани. Он поднял палец и прищурил глаз.

— Матео! — крикнул Гропани вниз. — Скорей, скорей, бегом!

Третий механик быстро появился снизу. Он был маленький, чёрный. Совсем обезьянка. Он бежал легко, семенил ножками.

— Гой! — крикнул Гропани, и механик с разбегу прыгнул через испанца. Все захлопали в ладоши.

— Слушай, секрет можно сказать? — спросил Гропани. — Нам не влетит?

— Беру на себя, — сказал маленький механик и улыбнулся белыми зубами на тёмном лице.

Все обступили моряков. Испанец вскочил с колен.

— Наш капитан, — начал тихим голосом механик, — через два дня именинник. Он всегда останавливает пароход. Все выходят на палубу и должны поздравлять старика. Часа три стоим все, поздравляем, всё равно, даже в шторм. Вот он и велит гнать. А то опоздает в порт. Чудачина-старичина! И катанье какое-то затевает, морской пикник, — совсем тихо прибавил механик. — Только, чур, молчок! — И он волосатой рукой прикрыл рот.

— Ох, интересно! — говорили дамы.

Буфетчик звонил к кофе.

Механик и Гропани отошли к борту.

— У нас в кочегарке, — быстрым шепотом сказал механик, — переборка нагрелась — рука не терпит. Как уют. Понимаешь?

— А трюм нельзя открыть, — сказал Гропани. — Войдет воздух, и сразу всё вспыхнет.

— Как думаешь, продержимся два дня? Как думаешь? — Механик глянул в самые глаза Гропани.

— Пожар, можем задохнуться в своем дыму, — сказал Гропани, — а впрочем, чёрт его знает.

Они пошли на мостик. Капитан их встретил.

— Идите сюда, — сказал капитан. Он потащил механика за руку. В каюте он показал ему маленькую рулетку, новенькую, блестящую.

— Вот шарик. — Капитан поднес шарик к носу механика. — Пусть крутят, бросают шарик, пусть играют на деньги. Говорите — это по секрету от капитана. Тогда они будут сидеть внизу. Мужчины хотя бы... Дамы ниче-

го не заметят. Возьмите, не потеряйте шарик! — И капитан ткнул рулетку механику.

Третий механик вышел на палубу. Официанты играли на скрипках. Две пары уже танцевали.

XII

Команда работала и разбирала эмигрантские нары. Под палубой было жарко и душно. Люди разделись, мокрые от пота.

— Ни минуты, ни секунды не терять! — говорил старик Салерно. Он помогал срывать толстые брусья.

— Потом покурите, потом! — пыхтел старик.

— Ну, чего стал? — крикнул Салерно молодому матросу.

— Вот оттого и стал! — во всю глотку крикнул молодой матрос.

Все на миг бросили работу. Все глядели на Салерно и матроса. Стало тихо. И стало слышно веселую музыку.

— Ты это что же? — сказал Салерно. Он с ключом в руке пошёл на матроса.

— Там танцуют, — кричал матрос, — а мы тут кишки рвём! — Матрос подался вперёд с топором в руке. — Давай их сюда!

— Верно, правильно говорит! — загудели матросы.

— Кому плоты? Нам шлюпок хватит.

— А плоты пусть сами себе делают.

Все присунулись к Салерно, кто с чем: с молотком, с топором, с долотом. Все кричали:

— К чёрту! Довольно! Баста! Остановить пароход! К шлюпкам!

Один уже бросился к трапу.

— Стойте! — крикнул Салерно и поднял руку.

На миг затихли. Остановились.

— Братья матросы! — сказал с одышкой старик. — Ведь там пассажиры. Мы взяли их свезти... А мы их... выйдут... выйдут... погубим... Они ведь ехать сели, а не тонуть...

— А мы тоже не гореть нанялись! — крикнул молодой матрос в лицо механику.

И молодой матрос, растолкав всех, бросился к трапу.

XIII

Капитан слышал крик. Он спустился на нижнюю палубу. Шёл к мостику и прислушивался.

«Бунт, — подумал капитан. — Они бьют Салерно. Пропало все. Уйму, а нет — взорву к чёрту пароход, пропадай всё пропадом!»

И капитан быстро зашагал к люку.

Вдруг навстречу матрос с топором. Он с разбегу ткнулся в капитана. Капитан рванул его за ворот. Матрос не успел опомниться, капитан толкнул его в люк. По трапу на матроса напирал народ. Все стали и смотрели на капитана.

— Назад! — рявкнул капитан.

Люди попятились. Капитан спустился вниз.

— Чего смотреть?! — крикнул кто-то.

Народ встрепенулся.

— Молчать! — сказал капитан. — Слушай, что я скажу. Капитан стоял на трапе выше людей. Все на него глядели. Жарко дышали. Ждали.

— Не будет плотов — погибли пассажиры. Я за них держу ответ перед миром и совестью. Они нам довери-

лись. Двести пять живых душ. Нас сорок восемь человек...

— А мы их свяжем, как овец! — крикнул матрос с топором. — Клянусь вам!

— Этого не будет! — крепко сказал капитан. — Ни один мерзавец не тронет их пальцем. Я взорву пароход! Люди загудели.

— Убейте меня сейчас! — Капитан сунулся грудью вперед. — И суньтесь только на палубу — пароход взлетит на воздух! Всё готово, без меня есть кому это сделать. Вы хотите погубить двести душ — и женщин, и малых детей. Даю слово: погибнете вместе. Все до одного.

Люди молчали. Кто опустил вниз злые глаза, а кто глядел на капитана и кивал головой.

Капитан с минуту глядел на людей.

Молодой матрос вскинул голову, но капитан заговорил:

— Плоты почти готовы. Их осталось собрать и сделать мачты. На шесть часов работы. У нас ведь есть сутки. Двадцать четыре часа. Пассажиры в воде — это дети. Они узнают о несчастье — они погубят себя. Нам вручили их жизнь. Товарищи моряки! — громко крикнул капитан. — Лучше погибнуть честным человеком, чем жить прохвостом! Скажите только: «Мы их погубим», — капитан обвёл всех глазами, — и я сейчас пущу себе пулю в лоб. Тут, на трапе. — И капитан сунул руку в карман.

Все загудели глухо, будто застонали.

— Ну, так вот вы — честные люди, — сказал капитан. — Я знал это. Вы устали. Выпейте по бутылке красного вина. Я прикажу выдать. Кончайте скорее — и спать. А наши дети, — капитан кивнул наверх, — пусть

играют, вы их спасете, и будет навеки вам слава, морякам Италии. — И капитан улыбнулся. Улыбнулся весело, и вмиг помолодело лицо.

— Bravo! — крикнул молодой матрос.

Он глядел на капитана. Капитан быстрыми шагами вбегал по трапу.

— Гропани! — крикнул капитан на палубе. Штурман бежал навстречу. — Идите вниз, — говорил капитан, — работайте с ними во всю мочь! И по бутылке вина всем. Сейчас. Там танцуют? Ладно. Я пришлю за вами, в случае станут скучать. Ну, живо!

— Есть! — крикнул Гропани и бегом бросился к люку.

XIV

Капитан прошёл в свою каюту. Он сел на койку, сжал кулаки со всей силой и подпёр бока. «Держаться, держаться, — говорил капитан, — что есть сил держаться! Сутки одни, одни только бы сутки!» И нисколько не легче становилось капитану. Он знал: не за сутки, а за один час, за минуту всё может погибнуть. Крикнет этот матрос с топором: «Пожар!» — и готово. «Дали им вина?» — подумал капитан и вскочил на ноги. Но тут влетел в каюту Салерно. Старик осунулся в эти два дня. Он схватил капитана за плечи, стал трясти. Тряс и всё глядел в глаза, и лицо у старика кривилось и вдруг совсем сморщилось, и он заплакал, заревел в голос. Он с размаху сел на койку и уткнул лицо в подушку.

— Что ты? — Капитан первый раз заговорил с ним на «ты». — Что ты? Салерно...

Капитан повернулся, взялся за ручку двери. Старик встрепенулся.

— Минуту! — говорил старик.

Он задыхался, схватил графин и пил из горлышка. Обливался. Другой рукой он держал капитана.

— Ведь я умру подлецом, — говорил старик сквозь слезы. — Пожар не потухнет. В этих бочках, ты не знаешь, — в них бертолетова соль!

— Как? — спросил капитан. — Ведь ты сказал — хлорноватая какая-то соль...

— Да, да! Это и есть бертолетова. Я не соврал. Но я знал, что ты не поймёшь.

— Я спрашивал ведь тебя: не опасно? А ведь это — взрыв!..

— Нет, нет, — плакал старик, — не взрыв! Её нагревает, она выпускает кислород, а от него горит. Сильней, сильней всё горит. — Старик умоляюще глядел на капитана. — Ну, прости, прости хоть ты, господи! — Старик ломал руки. — Никто, никто не простит... — И Салерно искал глазами по каюте. — Мне дали триста лир, чтобы я устроил... дьявол дал... эти двадцать бочек. Что же теперь? Что же? — Салерно глотал воздух ртом. — Иисусе святой, милый, дорогой...

— Идите к аббату, приложите к его рясе. Нет? Тогда вот револьвер — стреляйтесь! — сказал капитан и брякнул на стол браунинг.

Старик водил выпученными глазами.

— Тоже не хотите? Тогда умрите на работе. Марш к команде.

— Капитан, — хрипло сказал Салерно, — на градуснике... вчера было не семьдесят восемь, а восемьдесят семь...

Капитан вскинул брови, вздрогнул.

— Я не мог сказать... — Старик рухнул с койки, стал на колени.

Капитан с размаху ударил старика по лицу, вышел и пристукнул за собой дверь

XV

Капитан взял верёвку с градусником. Он сам смерил температуру — было 88 градусов.

Маленький механик подошёл и сказал (он был в одной сетке, мокрый от пота):

— На переборке краска закудрявилась, барашком пошла, но мы поливаем... Полно пару... Люди задыхаются... Работаем мы со вторым механиком...

Капитан подошёл к кочегарке. Глянул сверху, но сквозь пар не мог увидеть. Слышал только — лязгают лопаты, стучают скребки.

Маленький механик шагнул за трап и пропал в пару.

Солнце садилось. Красным отсветом горели буруны по бокам парохода. Чёрный дым густой змеёй валил из трубы. Пароход летел что есть силы вперёд. В трюме парохода горел смертельный огонь. Пассажиры приятно пели испанскую песню. Испанец махал рукой. Все на него смотрели, а он стоял на табурете выше всех.

— Споемте молитву, — говорил испанец. — Его преподобию будет приятно.

Испанец дал тон.

Капитан быстро пошёл вниз, к матросам.

— Сейчас готово! — крикнул навстречу Гропани. Он, голый до пояса, долбил долотом. Старик Салерно, лохматый, мокрый, тесал. Он без памяти тесал, зло сажил топором.

— Баста! Довольно уж! — кричал ему судовой плотник. Салерно, красный, мокрый, озирался вокруг.

— Ещё по бутылке вина, — сказал капитан. — Выпить здесь — и по койкам. Двое — в кочегарку, помогите товарищам. Они в аду. Вахта по часу.

Все бросили инструменты. Один Салерно всё стоял с топором. Он ещё два раза тяпнул по бревну. Все на него оглянулись.

Капитан вышел на палубу. На трюме в пазах стена пошла пузырями. Они надувались и лопались. Смола прилипала к ногам. Чёрные следы шли по палубе.

Солнце зашло.

Яркими огнями вспыхнул салон; оттуда мирно мурлыкал пассажирский говор.

Гропани догнал капитана.

— Я доложу, — весело говорил Гропани, — очень здорово, то есть замечательные плоты, говорю я... а Салерно...

— Видел всё, — сказал капитан. — Готовьте провизию, воду, флаги, ракеты. Фальшфейера не забудьте. Сейчас же...

— А Салерно чудак, ей-богу! — крикнул Гропани и побежал хлопотать.

XVI

Ночью капитан пошёл мерить температуру. Он мерил каждый час. Температура медленно подходила к 89 градусам. Капитан осторожно прислушивался, не гудит ли в трюме. Он приложил ухо к трюмному люку. Было горячо, но капитан терпел. Было не до того. Слушал: нет, ничего — это урчит машина. Её слышно по всему пароходу. Капитану начинало казаться: вот сейчас, через минуту пароход не выдержит. Взорвётся люк, полыхнет пла-

мя — и конец: крики, вой, кровавая каша. Почему знать, дотерпит ли пароход до утра? И капитан снова щупал палубу. Попадал в жидкую горячую смолу в пазах. Снова мерил градусником уже каждые полчаса. Капитан нетерпеливыми шагами ходил по палубе. Глядел на часы. До рассвета было ещё далеко. Внизу Гропани купорил в бочки сухари, консервы. Салерно возился тут же. Он слушал Гропани и со всех ног исполнял его приказы. Как мальчик, старик глядел на капитана, будто хотел сказать: «Ну, прикажи скорее, и я в воду брошусь!»

Около полуночи капитану доложили — двоих вынесли из кочегарки в обмороке. Но машина всё вертелась, и пароход летел напрямик к торной дороге.

Капитан не мог присесть ни на миг. Он ходил по всему пароходу. Он спустился в кочегарку. Там в горячем пару звякали дверцы топок. Пламя выло под котлами. Распаренные люди изо всех сил швыряли уголь. Не попадали и снова с ожесточением кидали. Ругались, как плакали.

Капитан схватил лопату и стал кидать. Он задыхался в пару.

— Валяй, валяй, сейчас конец, — говорил капитан.

Гайки закрыли. Капитан вылез наверх. Ему показалось холодно на палубе. А это что? Какие-то фигуры в темноте возятся у шлюпки.

Капитан опустил руку в карман, нащупал браунинг. Подошёл. Три матроса и кочегар вываливали шлюпку за борт.

— Я не приказывал готовить шлюпок, — тихим голосом сказал капитан.

Они молчали и продолжали дело.

— На таком ходу шлюпки не спустить, — сказал капитан чуть громче. — Погибнете сами и загубите шлюпку.

Капитан сдерживал сердце: нельзя подымать тревогу. Матросы вывалили шлюпку за борт. Оставалось спустить.

Двое сели в шлюпку. Двое других готовились спускать.

— А, дьявол! — вскрикнул один в шлюпке. — Нет весел. Они запрятали весла и паруса. Все. Давай вёсла! — крикнул он в лицо капитану. — Давай!

— Не ори, — сказал тихо капитан, — выйдут люди, они убьют вас!

И капитан отошёл в сторону. Он видел, как люди вылезли из шлюпки. До рассвета оставалось три часа. Капитан увидел ещё фигуру: пригляделся — Салерно. Старик, полуголый, шёл шатаясь.

Он шёл прямо на капитана. Капитан стал.

— Салерно!

Старик подошёл вплотную.

— Что мне теперь делать? Прикажите.

Салерно глядел сумасшедшими глазами.

— Оденьтесь, — сказал капитан, — причешитесь, умойтесь. Вы будете передавать детей на плоты.

Салерно с сердцем махнул кулаками в воздухе. Капитан зашагал на бак. По дороге он снова смерил: было почти 90 градусов.

Капитану хотелось подогнать солнце. Вывернуть его рычагом наверх. Ещё 2 часа 45 минут до света. Он прошёл в кубрик. Боцман не спал. Он сидел за столом и пил из кружки воду. Люди спали головой на столе, немногие в койках. Свесили руки, ноги, как покойники. Кто-то в углу копался в своём сундучке. Капитан поманил пальцем боцмана. Боцман вскочил. Тревожно глядел на капитана.

— Вот порядок на утро, — тихо сказал капитан. И он стал шептать над ухом боцмана.

— Есть... есть... — приговаривал боцман.

Капитан быстро взбежал по трапу. Ему не терпелось ещё умереть. Градусник с верёвкой был у него в руке. Капитан спустил его вниз и тотчас вытянул. Глядел, не мог найти ртути. Что за черт! Он взял рукой за низ и отдернул руку: пеньковая кисть обварила пальцы. Капитан почти бегом поднялся в каюту. При электричестве увидал: ртуть уперлась в самый верх. Градусник лопнул. У капитана захватило дух. Дрогнули колени первый раз за все это время. И вдруг нос почувствовал запах гари. От волнения капитан не расчужал. Откуда? Озирался вокруг. Вдруг он увидел дымок. Легкий дымок шёл из его рук. И тут капитан увидел: тлеет местами верёвка. И сразу понял: труба раскалилась докрасна в трюме. Пожар дошёл до неё.

Капитан приказал боцману поливать палубу. Пустить воду. Пусть всё время идёт из шланга. Тут под трюмом пар шёл от палубы. Капитан зашёл в каюту Салерно. Старик переодевал рубаху. Вынырнул из ворота, увидал капитана. Замер.

— Дайте химию, — сказал капитан сквозь зубы. — У вас есть химия.

Салерно схватил с полки книгу — одну, другую...

— Химии... химии... — бормотал старик.

Капитан взял книгу и вышел вон.

«Может ли взорвать?» — беспокойно думал капитан. У себя в каюте он листал книгу.

«Взрывает при ударе, — прочёл капитан про бертолетову соль, — и при внезапном нагревании».

— А вдруг там попадёт так... что внезапно... А, чёрт! Капитан заёрзал на стуле. Глянул на часы: до рассвета оставалось двадцать семь минут.

XVII

Остановить пароход в темноте — все пассажиры проснутся, и в темноте будет каша и бой. А в какую минуту взорвётся? В какую из двадцати семи? Или соль выпускает кислород? Просто кислород, как в школе на уроке химии?

Капитан дёрнулся смерить, вспомнил и топнул с сердцем в палубу.

Теперь капитан как закаменел: шёл твёрдо, крепким шагом. Как живая статуя. Он прошёл в кубрик.

— Буди! — сказал капитан боцману. — Двоих на лебёдку! Плоты на палубу! Собирать!

Люди просыпались, серые и бледные. Всеми глазами глядели на капитана. Капитан вышел. С бака на него глядели бортовые огни: красный и зелёный. Яркие, напряжённые. Капитан уже слышал сзади возню, гроханье брусьев. Тарахтела лебёдка. Вспыхнула грузовая люстра.

— Гропани, к пассажирам! — сказал капитан на ходу. Он слышал голос Салерно.

— Салерно, ко мне! — крикнул капитан. — Вы распорядитесь спуском плотов. И ни одной ошибки!

Второй штурман с матросами вываливал шлюпки за борт. Одиннадцать шлюпок. Капитан глянул на часы. Оставалось семнадцать минут. Но восток глухо чернел справа.

— Всех наверх! — сказал капитан маленькому механику. — Одного человека оставить в машине.

Пароход нёсся, казалось, ещё быстрее — напоследки — очертя голову.

Капитан вышел на мостик.

— Определитесь по звёздам, — сказал он старшему штурману, — надо точно знать наше место в океане.

Лёгкий ветер дул с востока. По океану ходила широкая плавная волна. Капитан стоял на мостике и смотрел на сборку плотов. Салерно точно, без окриков руководил, и руки людей работали дружно, в лад. Капитан шагнул вправо. Ветром дунул свет из-за моря.

— Стоп машина! — приказал капитан.

И сейчас же умер звук внутри. Пароход будто ослаб. Он с разгону ещё нёсся вперёд. Люди на миг бросили работу. Все глянули наверх, на капитана. Капитан серьёзно кивнул головой, и люди вцепились в работу.

XVIII

Аббат проснулся.

— Мы, кажется, стоим, — сказал он испанцу и зажёл электричество.

Испанец стал одеваться. Поднимались и в других каютах.

— Ах, да! Именины! — кричал испанец.

Он высунулся в коридор и крикнул весёлым голосом:

— Дамы и кавалеры! Пожалуйста! Прошу! Все в белом! Непременно!

Все собрались в салоне. Гропани был уже там.

— Но почему же так рано? — говорили нарядные пассажиры.

— Надо приготовить пикник, — громко говорил Гропани, — а потом, — шёпотом, — возьмите с собой ценности. Знаете, все выйдут, прислуга ненадёжна.

Пассажиры пошли рыться в чемоданах.

— Я боюсь, — говорила молодая дама, — в лодках по волнам...

— Со мной, сударыня, уверяю, не страшно и в аду, — сказал испанец. Он приложил руку к сердцу. — Идёмте. Кажется, готово!

Гропани отпер двери.

Пароход стоял. Пять плотов гибко качались на волнах. Они были с мачтами. На мачтах флаги перетянуты узлом.

Команда стояла в два ряда. Между людьми — проход к трапу.

Пассажиры спустились на нижнюю палубу.

Капитан строго глядел на пассажиров.

Испанец вышел вперёд под руку с дамой. Он улыбался, кланялся капитану.

— От лица пассажиров... — начал испанец и шикарно поклонился.

— Я объявляю, — перебил капитан крепким голосом, — мы должны покинуть пароход. Первыми сойдут женщины и дети. Мужчины, не трогаться с места! Под страхом смерти.

Как будто стон дохнул над людьми. Все стояли оцепенелые.

— Женщины, вперед! — скомандовал капитан. — Кто с детьми?

Даму с девочкой подталкивал вперёд Гропани. Вдруг испанец оттолкнул свою даму. Он растолкал народ, вскочил на борт. Он приготовился прыгнуть на плот. Хлопнул выстрел. Испанец рухнул за борт. Капитан оставил револьвер в руке. Бледные люди проходили

между матросами. Салерно размещал пассажиров по плотам и шлюпкам.

— Все? — спросил капитан.

— Да. Двести три человека! — крикнул снизу Салерно. Команда молча, по одному, сходила вниз.

Плоты отвалили от парохода, лёгкий ветер относил их в сторону. Женщины жались к мачте, крепко прижимали к себе детей. Десять шлюпок держались рядом. Одна под парусами и веслами пошла вперёд. Капитан сказал Гропани:

— Дайте знать встречному пароходу. Ночью пускайте ракеты!

Все смотрели на пароход. Он стоял один среди моря. Из трубы шёл лёгкий дым.

Прошло два часа. Солнце уже высоко поднялось. Уже скрылась из глаз шлюпка Гропани. А пароход стоял один. Он уже не дышал. Мёртвый, брошенный, он покачивался на зыби.

«Что же это?» — думал капитан.

— Зачем же мы уехали? — крикнул ребёнок и заплакал.

Капитан со шлюпки оглядывался то на ребёнка, то на пароход.

— Бедный, бедный... — шептал капитан. И сам не знал — про ребёнка или про пароход.

И вдруг над пароходом взлетело белое облако, и вслед за ним рвануло вверх пламя.

Гомон, гул пошёл над людьми. Многие встали в рост, глядели, затаив дыхание...

Капитан отвернулся, закрыл глаза рукой. Ему было больно: горит живой пароход. Но он снова взглянул сквозь слёзы. Он крепко сжал кулаки и глядел, не отрывался.

Вечером виден был красный остров. Он рдел вдали. Потом потухло. Капитан долго ещё глядел, но ничего уже не было видно.

Три дня болтались на плотках пассажиры.

На третьи сутки к вечеру пришёл пароход. Гропани встретил на борту капитана.

Люди перешли на пароход. Недосчитались старика Салерно. Когда он пропал — кто его знает?

«ИЗОБРЕТАТЕЛЬ»

В одном болоте на кочке под ивой вывелись дикие кряковые утята. Вскоре после этого мать повела их к озеру по коровьей тропе. Я заметил их издали, спрятался за дерево, и утята подошли к самым моим ногам. Трёх из них я взял себе на воспитание, остальные шестнадцать пошли себе дальше по коровьей тропе.

Подержал я у себя этих чёрных утят, и стали они вскоре все серыми. После из серых один вышел красавец разноцветный селезень и две уточки, Дуся и Муся. Мы им крылья подрезали, чтобы не улетели, и жили они у нас на дворе вместе с домашними птицами: куры были у нас и гуси.

С наступлением новой весны устроили мы своим дикарям из всякого хлама в подвале кочки, как на болоте, и на них гнёзда. Дуся положила себе в гнездо шестнадцать яиц и стала высиживать утят. Муся положила четырнадцать, но сидеть на них не захотела. Как мы ни бились, пустая голова не захотела быть матерью. И мы посадили на утиные яйца нашу важную чёрную курицу — Пиковую Даму.

Пришло время, вывелись наши утята. Мы их некоторое время подержали на кухне, в тепле, крошили им яйца, ухаживали.

Через несколько дней наступила очень хорошая, тёплая погода, и Дуся повела своих чёрненьких к пруду, и Пиковая Дама своих — в огород за червями.

— Свись-свись! — утята в пруду.

— Кряк-кряк! — отвечает им утка.

— Свись-свись! — утята в огороде.

— Квох-квох! — отвечает им курица.

Утята, конечно, не могут понять, что значит «квох-квох», а что слышится с пруда, это им хорошо известно.

«Свись-свись» — это значит: «свои к своим».

А «кряк-кряк» — значит: «вы — утки, вы — кряквы, скорей плывите!»

И они, конечно, глядят туда, к пруду.

— Свои к своим!

И бегут.

— Плывите, плывите!

И плывут.

— Квох-квох! — упирается важная птица курица на берегу.

Они всё плывут и плывут. Сосвистались, сплылись, радостно приняла их в свою семью Дуся; по Мусе они были ей родные племянники.

Весь день большая сборная утиная семья плавала на прудике, и весь день Пиковая Дама, распушенная, сердитая, квохтала, ворчала, копала ногой червей на берегу, старалась привлечь червями утят и квохтала им о том, что уж очень-то много червей, таких хороших червей!

— Дрянь-дрянь! — отвечала ей кряква.

А вечером она всех своих утят провела одной длинной верёвочкой по сухой тропинке. Под самым носом важной птицы прошли они, чёрненькие, с большими утиными носами; ни один даже на такую мать и не поглядел.

Мы всех их собрали в одну высокую корзинку и оставили ночевать в тёплой кухне, возле плиты.

Утром, когда мы ещё спали, Дуся вылезла из корзины, ходила вокруг по полу, кричала, вызывала к себе утят. В тридцать голосов ей на крик отвечали свистуны.

На утиный крик стены нашего дома, сделанного из звонкого соснового леса, отзывались по-своему. И всё-таки в этой кутерьме мы расслышали отдельно голос одного утенка.

— Слышите? — спросил я своих ребят.

Они прислушались.

— Слышим! — закричали.

И пошли в кухню.

Там, оказалось, Дуся была не одна на полу. С ней рядом бегал один утёнок, очень беспокоился и непрерывно свистел. Этот утёнок, как и все другие, был ростом с небольшой огурец. Как же мог такой-то воин перелезть стену корзины высотой сантиметров в тридцать?

Стали все мы об этом догадываться, и тут явился новый вопрос: сам утёнок придумал себе какой-нибудь способ выбраться из корзины вслед за матерью или же она случайно задела его как-нибудь своим крылом и выбросила? Я перевязал ножку этого утенка ленточкой и пустил в общее стадо.

Переспали мы ночь, и утром, как только раздался в доме утиный утренний крик, мы — в кухню.

На полу вместе с Дусей бегал утёнок с перевязанной лапкой.

Все утята, заключённые в корзине, свистели, рвались на волю и не могли ничего сделать. Этот выбрался. Я сказал:

— Он что-то придумал.

— Он изобретатель! — крикнул Лёва.

Тогда я задумал посмотреть, каким же способом этот «изобретатель» решает труднейшую задачу: на своих утиных перепончатых лапках подняться по отвесной стене. Я встал на следующее утро до свету, когда и ребята

мои, и утята спали непробудным сном. В кухне я сел возле выключателя, чтобы сразу, когда надо будет, дать свет и рассмотреть события в глубине корзины.

И вот побелело окно. Стало светать.

— Кряк-кряк! — проговорила Дуся.

— Свись-свись! — ответил единственный утёнок.

И всё замерло. Спали ребята, спали утята.

Свету прибавилось.

— Кряк-кряк! — повторила Дуся.

Никто не ответил. Я понял: «изобретателю» сейчас некогда — сейчас, наверно, он и решает свою труднейшую задачу. И я включил свет.

Ну, так вот я и знал! Утка ещё не встала, и голова её ещё была вровень с краем корзины. Все утята спали в тепле под матерью, только один, с перевязанной лапкой, вылез и по перьям матери, как по кирпичикам, взбирался вверх, к ней на спину. Когда Дуся встала, она подняла его высоко, на уровень с краем корзины. По её спине утёнок, как мышь, пробежал до края — и кувырк вниз! Вслед за ним мать тоже вывалилась на пол, и началась обычная утренняя кутерьма: крик, свист на весь дом.

Дня через два после этого утром на полу появилось сразу три утёнка, потом пять, и пошло и пошло: чуть только крякнет утром Дуся, все утята к ней на спину и потом валятся вниз.

А первого утёнка, проложившего путь для других, мои дети так и прозвали Изобретателем.

ПИКОВАЯ ДАМА

Курица непобедима, когда она, пренебрегая опасностью, бросается защищать своего птенца. Моему Трубочу стоило только слегка нажать челюстями, чтобы уничто-

жить её, но громадный гонец, умеющий постоять за себя в борьбе и с волками, поджав хвост, бежит в свою конуру от обыкновенной курицы.

Мы зовём нашу чёрную наседку за необычайную её родительскую злобу при защите детей, за её клюв — пику на голове — Пиковой Дамой. Каждую весну мы сажаем её на яйца диких уток (охотничьих), и она высидит и выхаживает нам утят вместо цыплят. В нынешнем году, случилось, мы недосмотрели: выведенные утята преждевременно попали на холодную росу, подмочили пупки и погибли, кроме единственного. Все наши заметили, что в нынешнем году Пиковая Дама была во сто раз злей, чем всегда.

Как это понять?

Не думаю, что курица способна обидеться на то, что получились утята вместо цыплят. И раз уж села курица на яйца, недоглядев, то ей приходится сидеть, и надо высидеть, и надо потом выхаживать птенцов, надо защищать от врагов, и надо всё довести до конца. Так она и водит их, и не позволяет себе их даже разглядывать с сомнением: «Да цыплята ли это?»

Нет, я думаю, этой весной Пиковая Дама была раздражена не обманом, а гибелью утят, и особенное беспокойство её за жизнь единственного утёнка понятно: везде родители беспокоятся о ребёнке больше, когда он единственный...

Но бедный, бедный мой Грашка!

Это — грач; с отломанным крылом он пришёл ко мне на огород и стал привыкать к этой ужасной для птицы бескрылой жизни на земле и уже стал подбегать на мой зов «Грашка», как вдруг однажды в моё отсутствие Пиковая Дама заподозрила его в покушении на своего утён-

ка и прогнала за пределы моего огорода, и он больше ко мне после того не пришёл.

Что грач! Добродушная, уже пожилая теперь, моя легавая Лада часами выглядывает из дверей, выбирает местечко, где ей можно было бы безопасно от курицы до ветру сходить. А Трубач, умеющий бороться с волками! Никогда он не выйдет из конуры, не проверив острым глазом своим, свободен ли путь, нет ли вблизи где-нибудь страшной чёрной курицы.

Но что тут говорить о собаках — хорош и я сам! На днях вывел из дому погулять своего шестимесячного щенка Травку и, только завернул за овин, гляжу: передо мною утёнок стоит. Курицы возле не было, но я себе её вообразил и в ужасе, что она выключет прекраснейший глаз у Травки, бросился бежать, и как потом радовался — подумать только! — я радовался, что спасся от курицы!

Было вот тоже в прошлом году замечательное происшествие с этой сердитой курицей. В то время, когда у нас прохладными, светлосумеречными ночами стали сено косить на лугах, я вздумал немного промять своего Трубача и дать погонять ему лисичку или зайца в лесу. В густом ельнике, на перекрестке двух зелёных дорожек, я дал волю Трубачу, и он сразу же ткнулся в куст, вытурил молодого русака и с ужасным рёвом погнал его по зелёной дорожке. В это время зайцев нельзя убивать, я был без ружья и готовился на несколько часов отдаться наслажденью любезнейшей для охотника музыкой. Но вдруг где-то около деревни собака скололась, гон прекратился, и очень скоро возвратился Трубач, очень смущённый, с опущенным хвостом, и на светлых пятнах его была кровь (масти он желто-пегой в румянах).

Всякий знает, что волк не будет трогать собаки, когда можно всюду в поле подхватить овцу. А если не волк,

то почему же Трубач в крови и в таком необычайном смущении?

Смешная мысль мне пришла в голову. Мне представилось, что из всех зайцев, столь робких всюду, нашёлся единственный в мире, настоящий и действительно храбрый, которому стыдно стало бежать от собаки. «Лучше умру!» — подумал мой заяц. И, завернув себе прямо в пята, бросился на Трубача. И когда огромный пёс увидел, что заяц бежит на него, то в ужасе бросился назад и бежал, не помня себя, чашей и обдирал до крови спину. Так заяц и пригнал ко мне Трубача.

Возможно ли это?

Нет!

Я знал одного робкого человека: его смертельно оскорбили, он поднялся и вмиг уничтожил своего врага. Но... то был человек. У зайцев так не бывает.

По той самой зелёной дорожке, где бежал русак от Трубача, я спустился из лесу на луг и тут увидел, что косцы, смеясь, оживлённо беседовали и, завидев меня, стали звать скорее к себе, как все люди зовут, когда душа переполнена и хочется облегчить её.

— Ну и дела!

— Да какие же такие дела?

— Ой-ой, ой!

И пошло, и пошло в двадцать голосов, одна и та же история, ничего не поймёшь, и только вылетает из гомона колхозного:

— Ну и дела! Ну и дела!

И вот какие это вышли дела. Молодой русак, вылетев из лесу, покатил по дороге к овинам, и вслед за ним вылетел и помчался врасстяжку Трубач. Случалось, на чистом месте Трубач у нас догонял и старого зайца, а

молодого-то догнать ему было очень легко. Русаки любят от гончих укрываться возле деревень, в омётах соломы, в овинах. И Трубач настиг русака возле овина. Косцы видели, как на повороте к овину Трубач раскрыл уже и пасть свою, чтобы схватить зайчика...

Так бывает часто в борьбе, что все карты биты и остаётся какая-то одна, и уже тянет сонливая слабость стать жертвой и отдаться врагу: становится так, будто игра не стоит свеч и надо сдаваться и делаться жертвой. Бывает, враг всё рассчитал, он знает даже три карты победы: вот тройка.

Тройка!

И тройка взяла.

Семёрка!

Семёрка взяла.

Туз!

И нет: вместо туза дама пик.

Это было на глазах у всех косцов.

Трубачу бы только хватить, но вдруг на него из овина вылетает большая чёрная курица — и прямо в глаза ему. И он повёртывается назад и бежит. А Пиковая Дама ему на спину — и клюет и клюет его своей пикой.

Ну и дела!

И вот отчего у жёлто-пегого в румянах на светлых пятнах была кровь: гонца расклевала обыкновенная курица.

ХРОМКА

Плыву на лодочке, а за мной по воде плывёт Хромка — моя подсадная охотничья уточка. Эта уточка вышла из диких уток, а теперь она служит мне, человеку, и своим утиным криком подманивает в мой охотничий шалаш диких селезней.

Куда я ни поплыву, всюду за мной плывет Хромка. Займётся чем-нибудь в заводи, скроюсь я за поворотом от неё, крикну: «Хромка!» — и она бросит всё и подлетает опять к моей лодочке. И опять, куда я, туда и она.

Горе нам было с этой Хромкой! Когда вывелись утята, мы первое время держали их в кухне. Это пронюхала крыса, прогрызла дырку в углу и ворвалась. На утиный крик мы прибежали как раз в то время, когда крыса тащила утёнка за лапку в свою дырку. Утёнок застрял, крыса убежала, дырку забили, но только лапка у нашего утёнка осталась сломанная.

Много трудов положили мы, чтобы вылечить лапку: связывали, бинтовали, примачивали, присыпали — ничего не помогло: утёнок остался хромым навсегда.

Горе хромоту в мире всяких зверушек и птиц: у них что-то вроде закона — больных не лечить, слабого не жалеть, а убивать. Свои же утки, куры, индюшки, гуси — все норовят тукнуть Хромку. Особенно страшны были гуси. И что ему, кажется, великану, такая безделушка — утёнок. Нет, и гусь с высоты своей норовит обрушиться на каплюшку и сплюснуть, как паровой молот.

Какой умишко может быть у маленького хромого утёнка? Но всё-таки и он своей головёнкой величиной с лесной орех сообразил, что единственное спасение его — в человеке. И нам по-человечески было жалко его: эти беспощадные птицы всех пород хотят лишиться его жизни, а чем он виноват, если крыса вывернула ему лапку?

И мы по-человечески полюбили маленькую Хромку.

Мы взяли её под защиту, и она стала ходить за нами и только за нами. И когда выросла она большая, нам не нужно было ей, как другим уткам, подстригать крылья.

Другие утки — дикари — считали дикую природу своей родиной и всегда стремились туда улететь. Хромке некуда было улетать от нас. Дом человека стал её домом. Так Хромка в люди вышла.

Вот почему теперь, когда я плыву на лодочке своей на утиную охоту, моя уточка сама плывёт за мной. Отстанет, снимается с воды и подлетает. Займётся рыбкой в заводи, заверну я за кусты, скроюсь и только крикну: «Хромка!» — вижу — летит моя птица ко мне.

ХЛОПУНКИ

Растут, растут зелёные дудочки; идут, идут с болот сюда тяжёлые кряквы, переваливаясь, а за ними, посвистывая, — чёрные утята с жёлтыми лапками между кочками за маткой, как между горами.

Мы плывем на лодке по озеру в тростники проверить, много ли будет в этом году уток и как они, молодые, растут: какие они теперь — летают, или пока ещё только ныряют, или удирают бегом по воде, хлопая короткими крыльями.

Эти хлопунки очень занятная публика. Направо от нас, в тростниках, зелёная стена и налево зелёная, мы же едем по свободной от водяных растений узкой полосе. Впереди нас на воду из тростников выплывают два самых маленьких чирёнка-свистунка в чёрном пуху и, завидев нас, начинают во всю мочь удирать. Но, сильно упираясь в дно веслом, мы дали нашей лодке очень быстрый ход и стали их настигать. Я уже протянул было руку, чтобы схватить одного, но вдруг оба чирёнка скрылись под водой. Мы долго ждали, пока они вынырнут, как вдруг заметили их в тростни-

ках. Они затаились там, высунув носики между тростниками. Мать их — чирок-свистун — всё время летала вокруг нас, и очень тихо — вроде как бывает, когда утка, решаясь спуститься на воду, в самый последний момент перед соприкосновением с водой как бы стоит в воздухе на лапках.

После этого случая с маленькими чирятами впереди, на ближайшем плёсе, показался кряковый утёнок, совсем большой, почти с матку. Мы были уверены, что такой большой может отлично летать, стукнули веслом, чтобы он полетел. Но, верно, он ещё летать не пробовал и пустился от нас хлопунком. Мы тоже пустились за ним и стали быстро настигать. Его положение было много хуже, чем тех маленьких, потому что место было тут до того мелкое, что нырнуть ему некуда. Несколько раз в последнем отчаянии он пробовал клюнуть носом воду, но там ему показывалась земля, и он только время терял. В одну из таких попыток наша лодочка поравнялась с ним, я протянул руку...

В эту минуту последней опасности утёнок собрался с силами и вдруг полетел. Но это был его первый полёт, он ещё не умел управлять. Он летел совершенно так же, как мы, научившись садиться на велосипед, пускаем его движением ног, а рулем повернуть ещё боимся, и потому первая поездка бывает всё прямо, прямо, пока не наткнёмся на что-нибудь, — и бух набок. Так и утёнок летел всё прямо, а впереди него была стена тростников. Он не умел ещё взмыть над тростниками, зацепился лапками и чебурахнулся вниз.

Точно так было со мной, когда я прыгал, прыгал на велосипед, падал, падал и вдруг сел и с большой быстротой помчался прямо на корову...

ЛЕСНОЙ ДОКТОР

Мы бродили весной в лесу и наблюдали жизнь дупляных птиц: дятлов, сов. Вдруг в той стороне, где у нас раньше было намечено интересное дерево, мы услышали звук пилы. То была, как нам говорили, заготовка дров из сухостойного леса для стеклянного завода. Мы побоялись за наше дерево, поспешили на звук пилы, но было уже поздно: наша осина лежала, и вокруг её пня было множество пустых еловых шишек. Это все дятел отшелушил за долгую зиму, собирал, носил на эту осинку, закладывал между двумя суками своей мастерской и долбил. Около пня, на срезанной нашей осине, два паренька отдыхали. Эти два паренька только и занимались тем, что пилили лес.

— Эх вы, проказники! — сказали мы и указали им на срезанную осину. — Вам велено резать сухостойные деревья, а вы что сделали?

— Дятел дырки наделал, — ответили ребята. — Мы поглядели и, конечно, спилили. Все равно пропадёт.

Стали все вместе осматривать дерево. Оно было совсем свежее, и только на небольшом пространстве, не более метра в длину, внутри ствола прошёл червяк. Дятел, очевидно, выслушал осину, как доктор: выстукал её своим клювом, понял пустоту, оставляемую червём, и приступил к операции извлечения червя. И второй раз, и третий, и четвёртый... Нетолстый ствол осины походил на свирель с клапанами. Семь дырок сделал «хирург» и только на восьмой захватил червяка, вытащил и спас осину. Мы вырезали этот кусок, как замечательный экспонат для музея.

— Видите, — сказали мы ребятам, — дятел — это лесной доктор, он спас осину, и она бы жила и жила, а вы её срезали.

Пареньки подивились.

ФИЛИН

Ночью злой хищник филин охотится, днём прячется. Говорят, будто днём он плохо видит и оттого прячется. А по-моему, если бы он и хорошо видел, всё равно ему бы днём нельзя было никуда показаться — до того своими ночными разбоями нажил он себе много врагов.

Однажды я шёл опушкой леса. Моя небольшая охотничья собачка, породю своей спаниель, а по прозвищу Сват, что-то причуяла в большой куче хвороста. Долго с лаем бегал он вокруг кучи, не решаясь подлезть под неё.

— Брось! — приказал я. — Это ёж.

Так у меня собачка приучена: скажу «ёж», и Сват бросает.

Но в этот раз Сват не послушался и с ожесточением бросился на кучу и ухитрился подлезть под неё.

«Наверно, ёж», — подумал я.

И вдруг с другой стороны кучи, под которую подлез Сват, из-под неё выбегает на свет филин, ушастый и огромных размеров и с огромными кошачьими глазами.

Филин на свету — это огромное событие в птичьем мире. Бывало, в детстве приходилось попадать в тёмную комнату — чего-чего там не покажется в тёмных углах, и больше всего я боялся чёрта. Конечно, это глупости, и никакого чёрта нет для человека. Но у птиц, по-моему, чёрт есть — это их ночной разбойник филин. И когда филин выскочил из-под кучи, то это было для птиц всё равно, как если бы у нас на свету чёрт показался.

Единственная ворона была, пролетала, когда филин, согнувшись, в ужасе перебежал из-под кучи под ближайшую ёлку. Ворона увидела разбойника, села на вершину этой ёлки и крикнула совсем особенным голосом:

— Кра!

До чего это удивительно у ворон! Сколько слов нужно человеку, а у них одно только «кра» — на все случаи, и в каждом случае это словечко всего только в три буквы благодаря разным оттенкам звука означает разное. В этом случае воронье «кра» означало, как если бы мы в ужасе крикнули:

— Чёр-р-р-рт!

Страшное слово прежде всего услышали ближайшие вороны и, услышав, повторили, и более отдалённые, услышав, тоже повторили, и так в один миг несметная стая, целая туча ворон с криком «чёрт!» прилетела и облепила высокую ёлку с верхнего сучка и до нижнего. Услышав переполох в вороньем мире, тоже со всех сторон прилетели галки чёрные с белыми глазами, сойки бурые с голубыми крыльями, ярко-жёлтые, почти золотые иволги. Места всем не хватило на ёлке, много соседних деревьев покрылось птицами, и всё новые и новые прибывали: синички-гаечки и московки, трясогузки, пеночки, зорьки и разные подкрапивнички.

В это время Сват, не понимая, что филин давно уже выскочил из-под кучи и прошмыгнул под ёлку, всё там орал и копался под кучей. Вороны и все другие птицы глядели на кучу, все они ждали Свата, чтобы он выскочил и выгнал филина из-под ёлки.

Но Сват всё возился, и нетерпеливые вороны кричали ему слово:

— Кра!

В этом случае это означало просто:

— Дурак!

И наконец, когда Сват причуял свежий след, и вылетел из-под кучи, и, быстро разобравшись в следах, направился к ёлке, все вороны в один общий голос опять крикнули по-нашему:

— Кра!

А по-ихнему это значило:

— Правильно!

И, когда филин выбежал из-под ёлки и стал на крыло, опять вороны крикнули:

— Кра!

И это теперь значило:

— Брать!

Все вороны поднялись с дерева, вслед за воронами все галки, сойки, иволги, дрозды, вертишейки, трясогузки, щеглы, синички-гаечки, московочки, и все эти птицы помчались тёмной тучей за филином, и все орали одно только:

— Брать, брать, брать!

Я забыл сказать, что, когда филин становился на крыло, Сват успел-таки вцепиться зубами в хвост, но филин рванулся, и Сват остался с филиновыми перьями и пухом в зубах.

Озлобленный неудачей, он помчался полем за филином и первое время бежал, не отставая от птиц.

— Правильно, правильно! — кричали ему некоторые вороны.

И так вся туча птиц скоро скрылась на горизонте, и Сват тоже исчез за перелеском. Чем всё кончилось, не знаю. Сват вернулся ко мне только через час с филиновым пухом во рту.

И ничего не могу сказать, тот ли это пух у него остался, который взял он, когда филин на крыло становился, или же птицы доконали филина и Сват помогал им в расправе со злодеем.

Что не видал, то не видал, а врать не хочу.

ЭТАЖИ ЛЕСА

У птиц и зверьков в лесу есть свои этажи: мышки живут в корнях — в самом низу; разные птички, вроде соловья, вьют свои гнездышки прямо на земле; дрозды ещё повыше, на кустарниках; дупляные птицы — дятел, синички, совы — ещё повыше: на разной высоте по стволу дерева и на самом верху селятся хищники: ястреба и орлы.

Мне пришлось однажды наблюдать в лесу, что у них, зверушек и птиц, с этажами не как у нас в небоскрёбах: у нас всегда можно с кем-нибудь поменяться, у них каждая порода живёт непременно в своём этаже.

Однажды на охоте мы пришли к полянке с погибшими березами. Это часто бывает, что берёзы дорастут до какого-то возраста и засохнут. Другое дерево, засохнув, роняет на землю кору, и оттого непокрытая древесина скоро гниёт и всё дерево падает; у берёзы же кора не падает; эта смолистая, белая снаружи кора — береста — бывает непроницаемым футляром для дерева, и умершее дерево долго стоит, как живое.

Даже когда и сгниёт дерево, и древесина превратится в труху, отяжеленную влагой, с виду белая берёза стоит, как живая. Но стоит, однако, хорошенько толкнуть такое дерево, как вдруг оно разломится всё на тяжёлые куски и падает.

Валить такие деревья — занятие очень веселое, но и опасное: куском дерева, если не увернёшься, может здорово хватить тебя по голове. Но всё-таки мы, охотники, не очень боимся, и когда попадаем к таким берёзам, то друг перед другом начинаем их рушить.

Так пришли мы к полянке с такими берёзами и обрушили довольно высокую берёзу. Падая, в воздухе она разломилась на несколько кусков, и в одном из них было дупло с гнездом гаечки. Маленькие птенчики при падении дерева не пострадали, только вместе со своим гнёздышком вывалились из дупла. Голые птенцы, покрытые пёрышками, раскрывали широкие красные рты и, принимая нас за родителей, пищали и просили у нас червячка. Мы раскопали землю, нашли червячков, дали им перекусить; они ели, глотали и опять пищали.

Очень скоро прилетели родители, гаечки-синички, с белыми пухлыми щёчками и с червяками во ртах, сели на рядом стоящих деревьях.

— Здравствуйте, дорогие, — сказали мы им. — Вышло несчастье: мы этого не хотели.

Гаечки ничего не могли нам ответить, но, самое главное, не могли понять, что такое случилось, куда делось дерево, куда исчезли их дети.

Нас они несколько не боялись, порхали с ветки на ветку в большой тревоге.

— Да вот же они! — показывали мы им гнездо на земле. — Вот они, прислушайтесь, как они пищат, как зовут вас!

Гаечки ничего не слушали, суетились, беспокоились и не хотели спуститься вниз и выйти за пределы своего этажа.

— А может быть, — сказали мы друг другу, — они нас боятся. Давай спрячемся! — И спрятались.

Нет! Птенцы пищали, родители пищали, порхали, но вниз не спускались.

Мы догадались тогда, что у птичек не как у нас в небоскребах, они не могут перемениться этажами: им теперь просто кажется, что весь этаж с их птенцами исчез.

— Ой-ой-ой, — сказал мой спутник, — ну какие же вы дурачки!..

Жалко стало и смешно: такие славные и с крылышками, а понять ничего не хотят.

Тогда мы взяли тот большой кусок, в котором находилось гнездо, сломали верх соседней берёзы и поставили на него наш кусок с гнездом как раз на такую высоту, на какой находился разрушенный этаж. Нам недолго пришлось ждать в засаде: через несколько минут счастливые родители встретили своих птенчиков.

ВЫСКОЧКА

Наша охотничья собака, лайка, приехала к нам с берегов Бии, и в честь этой сибирской реки так и называли мы её Бией. Но скоро эта Бия почему-то у нас превратилась в Бьюшку, Бьюшку все стали звать Вьюшкой. Мы с ней мало охотились, но она прекрасно служила у нас сторожем при машине. Уйдёшь на охоту — и будь уверен: Вьюшка не пустит в машину врага.

Раз было, пришли мы с охоты, стали разводить машину, а Вьюшку пустили погулять. Весёлая собачка эта Вьюшка, всем нравится: ушки — как рожки, хвостик колечком, зубки беленькие, как чеснок. Достались ей от

обеда две косточки. Получая подарок, Вьюшка развернула колечко своего хвоста и опустила его вниз поленом. Это у неё означало тревогу и начало бдительности, необходимой для защиты, — известно, что в природе на кости есть много охотников. С опущенным хвостом Вьюшка вышла на траву-мураву и занялась одной косточкой, другую же положила рядом с собой.

Тогда откуда ни возьмись сороки — скок-скок — и к самому носу собаки. Когда же Вьюшка повернула голову к одной, — хватать! — другая сорока с другой стороны — хватать! — и унесла косточку.

Дело было поздней осенью, и сороки вывода этого лета были совсем взрослые. Держались они тут всем выводком, в семь штук, и от своих родителей постигли все тайны воровства. Очень быстро они оклевали украденную косточку и, не долго думая, собрались отнять у собаки вторую.

Говорят, что в семье не без урода, то же оказалось и в сорочьей семье. Из семи сорок одна вышла не то чтобы совсем глупенькая, а как-то с заскоком и с пыльцой в голове. Вот сейчас то же было: все шесть сорок повели правильное наступление, большим полукругом, поглядывая друг на друга, и только одна Выскочка поскакала дуром*.

— Тра-та-та-та-та! — застрекотали все сороки. Это у них значило:

— Скачи назад, скачи, как надо, как всему сорочьему обществу надо.

— Тра-ля-ля-ля-ля! — ответила Выскочка.

*«Поскакать дуром» значит переть напролом, не думая о последствиях.

Это у неё значило:

— Скачите, как надо, а я — как мне самой хочется.

Так на свой страх и риск Выскочка подскакала к самой Вьюшке в том расчёте, что Вьюшка, глупая, бросится на неё, выбросит кость, она же изловчится и кость унесёт.

Вьюшка, однако, замысел Выскочки хорошо поняла и не только не бросилась на неё, но, заметив Выскочку косым глазом, освободила кость и поглядела в противоположную сторону, где правильным полукругом, как бы нехотя — скок!, — наступали шесть умных сорок.

Вот это мгновение, когда Вьюшка отвернула голову, Выскочка улучила для своего нападения. Она схватила кость и даже успела повернуться в другую сторону, успела ударить по земле крыльями, поднять пыль из-под травы-муравы. И только бы ещё одно мгновение, чтобы подняться на воздух, только бы одно мгновеньишко! Вот только-только бы подняться сороке, как Вьюшка схватила её за хвост — и кость выпала...

Выскочка вырвалась, но весь радужный длинный сорочий хвост остался у Вьюшки в зубах и торчал из пасти её длинным острым кинжалом.

Видел ли кто-нибудь сороку без хвоста? Трудно даже вообразить, во что превращается эта блестящая, пестрая и проворная воровка яиц, если ей оборвать хвост. Бывает, деревенские озорные мальчишки поймают слепня, воткнут ему в зад длинную соломинку и пустят эту крупную сильную муху лететь с таким длинным хвостом, — гадость ужасная! Ну, так вот, это — муха с хвостом, а тут — сорока без хвоста: кто удивился мухе с хвостом, ещё больше удивится сороке без хвоста. Ничего сорочьего не остается тогда в этой птице, и ни за что

в ней не узнаешь не только сороку, а и какую-нибудь птицу: это просто шарик пестрый с головкой.

Бесхвостая Выскочка села на ближайшее дерево, все другие шесть сорок прилетели к ней. И было видно по всему сорочьему стрекотанью, по всей суете, что нет в сорочьем быту большего сраму, как лишиться сороке хвоста.

МЕДВЕДЬ

Многие думают, будто пойти только в лес, где много медведей, и так они вот и набросятся, и съедят тебя, и останутся от козлика ножки да рожки. Такая это неправда!

Медведи, как и всякий зверь, ходят по лесу с великой осторожностью и, зачужав человека, так удирают от него, что не только всего зверя, а не увидишь даже и мелькнувшего хвостика.

Однажды на Севере мне указали место, где много медведей. Это место было в верховьях реки Коды, впадающей в Пинегу. Убивать медведя мне вовсе не хотелось, и охотиться за ним было не время: охотятся зимой, я же пришёл на Коду ранней весной, когда медведи уже вышли из берлог.

Мне очень хотелось застать медведя за едой, где-нибудь на полянке, или на рыбной ловле на берегу реки, или на отдыхе. Имея на всякий случай оружие, я старался ходить по лесу так же осторожно, как звери, затаивался возле тёплых следов; не раз мне казалось, будто мне даже и пахло медведем... Но самого медведя, сколько я ни ходил, встретить мне в тот раз так и не удалось.

Случилось, наконец, терпение мое кончилось, и время пришло мне уезжать. Я направился к тому месту, где была у меня спрятана лодка и продовольствие. Вдруг

вижу: большая еловая лапка передо мной дрогнула и закачалась сама.

«Зверушка какая-нибудь», — подумал я.

Забрав свои мешки, сел я в лодку и поплыл.

А как раз против места, где я сел в лодку, на том берегу, очень крутом и высоком, в маленькой избушке жил один промысловый охотник. Через какой-нибудь час или два этот охотник поехал на своей лодке вниз по Коде, нагнал меня и застал в той избушке на полпути, где все останавливаются.

Он-то вот и рассказал мне, что со своего берега видел медведя, как он вымахнул из тайги как раз против того места, откуда я вышел к своей лодке. Тут-то вот я и вспомнил, как при полном безветрии закачались впереди меня еловые лапки.

Досадно мне стало на себя, что я подшумел медведя. Но охотник мне ещё рассказал, что медведь не только ускользнул от моего глаза, но ещё и надо мной посмеялся... Он, оказывается, очень недалеко от меня отбежал, спрятался за выворотень и оттуда, стоя на задних лапах, наблюдал меня: и как я вышел из леса, и как сел в лодку и поплыл. А после, когда я для него закрылся, взлез на дерево и долго следил за мной, как я спускаюсь по Коде.

— Так долго, — сказал охотник, — что мне надоело смотреть и я ушёл чай пить в избушку.

Досадно мне было, что медведь надо мной посмеялся. Но ещё досадней бывает, когда болтуны разные пугают детей лесными зверями и так представляют их, что покажись будто бы только в лес без оружия — и они оставят от тебя только рожки да ножки.

У БАБУШКИ НЕТ БАБУШКИ

У бабушки нет бабушки,
Поэтому никто
Не напоёт ей «ладушки»,
Не отряхнёт пальто,

Никто за палец не возьмёт,
Когда уснуть не может,
Никто на горку детскую
Подняться не поможет,

Никто не поведёт в музей,
Не скажет: «Моя лапушка,
Одеться надо потеплей...»

У бабушки нет бабушки.

НЕИНТЕРЕСНО СПАТЬ В КРОВАТИ

Неинтересно спать в кровати.
Другое дело — на полу,
На сундуке и на полатях,
На лавке, под столом,
В углу на печке...
Будут там
Не сны, а сказки сниться вам!

Прекрасно спать на верхней полке
В вагоне поезда... Вокруг
Мелькают станции, посёлки...

И чёрный лес взлетает вдруг
За вами следом...
Тук-тук-тук!
Я спать люблю под этот стук!

Как хорошо заснуть на травке
Под горкой. Или у реки.
Вдыхаешь мяты запах сладкий.
Кругом порхают мотыльки...
Приятно на спине лежать,
Мечтать. И воздухом дышать.

Неинтересно спать в кровати...
Другое дело на полу.
На сундуке и на полатях,
На лавке, под столом,
В углу на печке...
.....
И т.д., повторяешь, пока не уснёшь.

ПОЛНАЯ ЛУНА

Кто-то закричал: «Луна —
Какая полная она!»

Луна решила похудеть.
Вот от Луны осталась треть.
И четверть... Вот уже Луна
И вовсе в небе не видна.

Вот кто-то стал искать: «Луна...
Куда же спряталась она?»

Луна решила потолстеть.
Тут стоит только захотеть... — и
Кто-то закричал: «Луна —
Какая полная она!»

Луна решила похудеть.
Вот от Луны осталась треть.
И четверть... Вот уже Луна
И вовсе в небе не видна.

Вот кто-то стал искать: «Луна...
Куда же спряталась она?»
Луна решила потолстеть.
Тут стоит только захотеть... — и

Кто-то закричал: «Луна —
Какая полная она!.. »

и так без конца.